

Дикая сердцем

18+

K. A. TAKEP

LAV. Романтика

К. А. Такер

Дикая сердцем

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Такер К.

Дикая сердцем / К. Такер — «Издательство АСТ», 2020 — (LAV. Романтика)

ISBN 978-5-17-147061-6

Калла Флетчер возвращается в Торонто другим человеком и изо всех сил пытается жить дальше, но не может выбросить из головы сурового пилота, покоровшего ее сердце. И когда Джон появляется на ее пороге, она с энтузиазмом бросается назад на Аляску, в их захватывающее совместное будущее. Проходит не так много времени, когда Калла понимает: возможно, за этот компромисс придется заплатить высокую цену. Жизнь в темной непроходимой глуши, Джона, которого вечно нет дома, соседи, один из которых хочет превратить ее в настоящую жительницу Аляски, а второй — скорее застрелит сам, чем придет на помощь... Все это — лишь часть испытаний на пути к счастью. Не похоже на то будущее, которого хотела Калла, и это заставляет задуматься: что, если она все же обречена пойти по стопам матери?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-147061-6

© Такер К., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	27
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	55
Глава 10	61
Глава 11	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

К. А. Такер

Дикая сердцем

К. А. Tucker
WILD AT HEART

Печатается с разрешения Atria Books,
a division of Simon & Schuster Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg

Дизайн обложки *Юлии Данилиной*

Copyright © 2020 К. А. Tucker
© Л. Войтикова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Ли и Сэди!
Если вы больше ничему от меня не научитесь,
то, надеюсь, вы узнаете ценность решимости.

Стейси!
Спасибо, что веселишься вместе со мной.

Хуанита!
Благослови Господь твое сердце.

Глава 1

Ноябрь

– Что ж... полагаю, увидимся, когда увидимся.

Я не могу выговорить ни слова из-за комка в горле, а потому лишь киваю. Наши последние четыре дня с Джоной в Торонто прошли как в тумане. Блаженном тумане, который я еще не готова покидать. Водителю «Убера», что повезет меня домой после этого прощания, придется созерцать рыдающую меня на заднем сиденье.

В льдисто-голубых глазах Джоны мелькает неразборчивое выражение. Я все еще не привыкла к нему без бороды, хотя, признаюсь, мне пришлось по вкусу любоваться его точеной челюстью и ямочками на щеках. Он делает глубокий вдох и отворачивается; его сумка перекинута через широкое плечо, а между двумя стиснутыми пальцами зажаты посадочный талон и паспорт.

Я наблюдаю, как Джона передает документы сотруднику у пропускного пункта на рейсы, направляющиеся в США. Тот проверяет их всего секунду, прежде чем машет рукой в сторону стеклянных дверей таможенного контроля. По ту сторону Джоноу ожидает четырнадцатичасовой перелет домой. Через несколько секунд этот небесный ковбой пропадет с моих глаз и исчезнет.

Кто знает, когда я увижу его снова? Он прилетел сюда, чтобы лично сказать мне, что последние два месяца после моего отъезда с Аляски он был несчастен, что он не хочет становиться копией моего отца, всю жизнь тосковавшего по моей матери, что он намерен создать тех «нас», которые могут быть вместе. Что он готов провести свою жизнь рядом со мной.

Я еще не дала ему ответ, слишком страшно было решиться. Однако сейчас...

Сейчас я чувствую, как изнутри меня поднимаются слова – эмоции, рвущиеся наружу.

– Да!

В моих ушах бьется пульс.

Джона оборачивается и приподнимает брови.

Сошла ли я с ума? Может быть.

Но я полностью отдаю себе в этом отчет.

Я делаю шаг вперед и нервно сглатываю.

– Я вернусь на Аляску.

Потому что, побыв снова с Джоной – смеясь, предаваясь воспоминаниям и просыпаясь в его объятиях, – я убедилась в том, в чем сомневалась последние несколько месяцев: я безумно влюблена в него, и жизнь в Торонто без него для меня больше не имеет смысла.

Я устала прощаться с этим человеком.

Джона выходит из очереди и сокращает расстояние между нами, бросает сумку у ног. Сейчас пять утра, и мы мешаем потоку пассажиров, спешащих на свои рейсы, заставляя их обходить нас с обеих сторон. До моих ушей доносится ворчание, но мне нет никакого дела до недовольных в этот момент.

Суровая хмурая складка на красивом лбу Джоны, пристально вглядывающегося в меня, говорит о том же с его стороны.

– Ты это серьезно?

Я киваю.

– Да. Я имею в виду, если ты всерьез намерен переехать в Анкоридж...

– Когда? – требовательно перебивает он жестким голосом.

– Я не знаю. Как только смогу.

Сколько времени требуется, чтобы собрать вещи и переехать в другую страну? В страну, в которой я родилась и гражданство которой у меня по-прежнему есть, конечно, но в которой я не жила уже более двух десятилетий.

Его глаза сверкают решимостью.

– На Рождество.

Я смеюсь.

– До него всего *месяц!*

– И что? Тебе не хватит времени? – Это вызов, брошенный в типичной для Джоны прямой манере. – Я отменил свою поездку в Осло к маме. И Агги с Мейбл будут тебе рады. Тем более что это первое Рождество без Рена. Тебе нужно приехать. – Его адамово яблоко дергается, когда он тяжело сглатывает. – Приезжай.

И где-то в словах Джоны, его тоне и том, как он смотрит на меня, я различаю тихую мольбу. По правде говоря, идея оказаться рядом с самыми близкими людьми моего покойного отца на праздники с каждой секундой выглядит все более заманчивой и все более осуществимой.

– Ладно, – выдыхаю я, и мой голос дрожит. – Если смогу, я приеду. Приеду, как только получится.

Он притягивает меня к своему крепкому телу и наклоняется, чтобы прижаться лбом к моему.

– Черт тебя побери, Калла, а ты знаешь, как заставить парня вспотеть.

Ухмыляюсь, потянувшись рукой вверх, чтобы провести кончиками пальцев по его заросшей щетиной челюсти. Я спрятала его бритву два дня назад, чтобы он не брился. Этот поступок показался мне поэтически справедливым после того, как йети все лето прятал мои косметички у себя на чердаке. К сожалению, Джону это не волнует.

– Прости. Решилась всего несколько секунд назад.

Хотя, если быть честной, думаю, я знала ответ все время.

– Да неужели? Потому что ты не можешь сказать мне подобное, а потом струсить. Мне придется выставить дом на продажу *прямо сейчас*, если мы рассчитываем хоть на какой-то шанс переехать с Аляски к следующему лету...

– Не *струшу*, – обещаю я.

И закусываю губу, чтобы удержаться от признания, которое едва не срывается с языка, мои щеки краснеют.

Челюсть Джоны напрягается.

– Что?

«Я люблю тебя». Эти три слова предназначались ему с той самой секунды, как только я услышала его смех на нашем крыльце, и все же не могу найти в себе силы сказать об этом. Смешно, учитывая, что силы переехать на Аляску ради него я нашла. Наверное, это потому, что он попросил меня. Если бы Джона признался мне в любви, то ответ сразу бы слетел с моих губ, в то же самое мгновение. Однако этих важных слов он еще не произнес.

– Не передумаю, – вместо этого произношу я.

Взгляд Джоны становится более сосредоточенным, оценивающим, словно он пытается прочесть мои мысли.

– Ладно.

– Ладно. – Я выдавливаю нервный смешок. – Вот черт, мы сделаем это!

– Сделаем, и это будет здорово, вот увидишь.

Он снова целует меня, медленно и настойчиво, его ладонь гладит мой затылок, а пальцы перебирают распущенные волосы.

Кто-то бросает: «Свалите с дороги», и Джона отстраняется, чтобы бросить на него угрожающий взгляд. Маленький человечек со сморщенным лицом опускает голову и сразу же делает вид, что это был не он.

– Мне пора. – Джона смотрит на свои часы. – Я и так уже опаздываю. К тому же мы разозлили половину аэропорта.

Я встаю на цыпочки, чтобы украсть еще один его поцелуй.

– Позвони мне, как только приземлишься.

Я получаю одну из кривых ухмылок в ответ – ту, которую раньше мне хотелось содрать с лица Джоны и которую так силюсь запомнить теперь.

– Удачно рассказать новости Сюзан.

Глава 2

Декабрь

– Вот и все! – с какой-то обреченностью объявляет мама.

Ее орехово-зеленые глаза влажно блестят, когда она окидывает взглядом контрольно-пропускной пункт на рейсы в США. Даже в это неподобающее время к нему стекаются целые полчища пассажиров, летящих к кому-то на праздники.

– *Мам.* – Перевожу на нее взгляд. – Я не умираю.

– *Я знаю.* Просто... – Она смахивает слезу своим свеженаманикюренным ногтем модного сейчас цвета клюквы. – Наконец-то понимаю, что означало выражение лица моей матери, когда я вот так же сказала ей, что переезжаю жить на Аляску. Наверное, мне стоит позвонить ей и извиниться.

Мое сердце колотится от предвкушения. С тех пор как я попрощалась с Джоной на этом самом месте после его неожиданного визита в Торонто, прошло четыре недели, пять дней и двенадцать минут.

А еще целая куча всяческих приготовлений: многочисленных бланков, подписей и непомерных пошлин для срочного продления моего американского паспорта; часов, проведенных в Интернете за изучением информации об Анкоридже; огромного количества вопросов и предостережений от моей матери: «Ты действительно уверена, что хочешь этого?», «А вдруг ему нужно твое наследство?» – что вызвало не одну грандиозную ссору; тщательно сформулированных психоаналитических бесед с Саймоном за его тайником с картофельным пюре быстрого приготовления о том, что мои чувства к Джоне *могут* быть остатком нашей глубокой связи, возникшей после смерти моего отца, и, *если* это так, то они не станут прочным фундаментом для начала совместной жизни.

И, конечно же, бесчисленных сообщений и телефонных звонков Джоне, пока я паковала вещи, строила планы и отсчитывала дни.

И вот я здесь – стою в международном аэропорту Пирсон в 5:17 утра, сжимая в руках телефон и три билета на три самолета, которые сократят расстояние в пять с половиной тысяч километров между мной и объятиями Джоны.

Потому что только так я смогу узнать, к чему все это сможет нас привести.

Что бы ты сказал о таком повороте событий, а, пап?

С тех пор как умер Рен Флетчер, прошло уже более трех месяцев, а я все еще продолжаю думать о нем каждый день. У меня до сих пор болит в груди при каждом воспоминании. До сих пор слезятся глаза, когда я листаю бессчетное количество фотографий, сделанных этим летом на Аляске. Мое горло все еще сжимается, когда я произношу его имя.

Подумать только, в июле он был для меня почти незнакомцем – человеком, отделившимся от меня в мои четырнадцать лет, и не более чем далеким голосом в телефонной трубке до того – и все же нечаянно он сумел создать мне будущее на Аляске.

Джона был ему как сын. Так что папа был бы в восторге от новостей, я уверена.

– Сюзан, нам *действительно* стоит поспешить на поезд до нашего терминала, – предупреждает Саймон с мягким британским акцентом, как у Хью Гранта, похлопывая ее по плечу и украдкой бросая взгляд в мою сторону. Мы все знали, что попрощаться в аэропорту – не самая лучшая идея.

Однако это все же не помешало маме купить им билеты на острова Теркс и Кайкос с вылетом на двадцать минут позже моего, что просто гарантировало, что мы окажемся в этой ситуации.

Мама поправляет широкополую шляпу от солнца – слишком хрупкую, чтобы паковать ее в чемодан. Моя собственная шляпа, похожая на эту, – та, которую я по глупости надела в свой первый прилет на Аляску, – сейчас висит на вешалке в доме Джоны. Я оставила ее на память, а еще потому, что мне не хотелось лететь в ней обратно.

На этот раз я одета гораздо практичнее: легинсы, свободный удобный свитер и замшевые туристические ботинки, которые доставят массу хлопот на контроле, но в остальном идеально подходят для долгого путешествия.

– Мне бы хотелось, чтобы вы, ребята, пересмотрели свои планы на праздники, – бормочет мама.

– Уже слишком поздно что-то менять.

Сомневаюсь, что на двадцать третье декабря остались свободные места до Теркса. Особенно такие, которые стоят меньше пяти тысяч долларов за билет.

Однако я уверена, мама не теряет надежды, что в последнюю минуту все может поменяться. Но Джона не передумает, что в этом году ему необходимо быть с Агнес и Мейбл.

А я не передумую, что мне необходимо быть *с ним*.

– Напишу тебе вечером, когда доберусь до Джоны, – обещаю я. Этот парень *наконец-то* провел себе Интернет.

– И позвони мне утром, когда проснешься.

– Да-да... – Я обвиваю руками мамины плечи и притягиваю ее к себе. – Счастливого пляжного Рождества.

Ее ответные объятия слишком свирепы для такой маленькой женщины. Она крепко прижимает меня к себе, и я ощущаю цветочные духи мамы, так подходящие флористу.

– Я буду молиться, чтобы до конца твоего перелета не начался снегопад, – шепчет она, и хрипотца в ее голосе заставляет узел в моем горле затянуться. – Передавай Джоне привет.

– Передам.

Я отстраняюсь от нее и перевожу взгляд на Саймона, который сейчас исполняет роль носильщика чемоданов и занят тем, что поминутно поправляет воротник своего зимнего пальто, несмотря на то, что лицо его покраснелось от жары. С тех пор как я вернулась с Аляски в сентябре, все больше замечаю признаки его солидного возраста: морщинки на лбу и у рта, его дряблые руки, редкие седеющие волосы. Он был единственным отцом, на которого я могла положиться в течение двенадцати лет своей жизни. А теперь, когда я пережила боль от потери моего родного отца – человека, которого я снова научилась любить, – остро осознаю, что однажды мне придется пережить потерю и Саймона.

Но я надеюсь, что это случится только через *много-много* лет.

– Попробуй загореть, ладно? – дразню я. Саймон, без сомнения, проведет все дни на островах, прячась под самым большим зонтом, который только сможет отыскать, намазавшись солнцезащитным кремом с SPF под сотню и с полоской цинка на переносице для дополнительной защиты.

– Ты тоже.

Я смеюсь, когда он крепко обнимает меня.

– С ней все будет в порядке. Я не дам ей хандрить, – говорит Саймон так тихо, чтобы услышала только я. – Ты можешь оставаться на Аляске с Джоной до тех пор, пока это будет важно для тебя. Но помни: всегда есть местечко здесь, если вдруг поймешь, что тебе это нужно. Мы не будем ничего спрашивать. Ну... только если пару вопросов, – подмигивает он.

– Знаю. Спасибо.

У меня в животе трепещут бабочки, когда я взваливаю рюкзак на плечи, испытывая облегчение от того, что три моих чемодана со всем необходимым для выживания уже благополучно грузят на самолет до Чикаго.

– Что ж, до скорого? – А что еще можно сказать родителям в день своего переезда на противоположную часть континента?

Мама кивает и с трудом сглатывает, ее рука слепо тянется к руке Саймона.

– Я всего лишь на расстоянии телефонного звонка, СМС или Фейстайма, – заверяю я ее, и подошвы моих ботинок скользят по полированной плитке, когда я начинаю отходить. – Удачного вам полета.

– И тебе, – ободряюще улыбается Саймон.

Достав из сумочки свой недавно переоформленный американский паспорт, пробираюсь вперед, чтобы вручить его проверяющему с каменным выражением лица. Это мой первый раз за двадцать четыре года, когда лечу как гражданка США. Мужчина едва заглядывает в документ и протягивает обратно, кивая.

Оборачиваюсь в последний раз и вижу, как длинная рука Саймона обхватывает плечи моей матери, притягивая ее к себе. Она и близко не испытывала подобных эмоций, когда я уезжала на Аляску в прошлый раз. Но тогда это была временная поездка. Для моего отца. И для меня.

А сейчас...

Сейчас я переезжаю на Аляску. К Джоне.

Грубому суровому йети, который превратил мою жизнь в ад, которого всего несколько месяцев назад терпеть не могла и с которым мне через многое пришлось пройти.

Теперь я оставляю позади все, что было мне знакомо, ради того, чтобы быть с ним. Глубоко вздохнув, делаю шаг через раздвижную стеклянную дверь.

* * *

– Его *уже* отменили.

Пялюсь на красное слово, мигающее на экране напротив моего рейса в Бангор, который должен был вылететь из Анкориджа через четыре часа.

– Да, я видел. С прошлой ночи стоит жуткий снегопад. Сильнее, чем прогнозировали. На этом конце штата все уже заблокировано, – хрипловато отвечает Джона мне в ухо.

Выглядываю в окна, выходящие на взлетно-посадочные полосы. Не вижу ничего, кроме голубого неба, искрящегося белого снега и инея на подоконниках, свидетельствующего о морозе на улице.

– Но здесь *нет* снегопада.

– Ну, между тобой и этим апокалипсисом шестьсот пятьдесят километров и горный хребет.

Джона ранее упоминал о возможности «небольшого снега» в прогнозе. Однако он ни разу не использовал термин «апокалипсис».

– Как думаешь, есть ли шанс, что он ослабнет?

Мы решили, что будет куда проще и дешевле, если я воспользуюсь коммерческим рейсом, вместо того чтобы вынуждать Джону проделывать весь этот путь самому, чтобы забрать меня. Однако, учитывая ситуацию, может быть, он смог бы запрыгнуть в самолет и...

– Не при таком раскладе. Предположительно, снегопад продолжится до завтра.

– *Завтра?* – Чувствую, как поникают мои плечи. А я-то все радовалась, как гладко проходит мое путешествие. – Это отстой!

– Расслабься. Так уж здесь заведено. Ты привыкнешь к подобному.

– Не хочу привыкать, – надувшись, отвечаю я.

Три аэропорта, два самолета и одиннадцать часов пути... Чувствую, как разочарование одолевает меня. Отчаянно хочу увидеть Джону – больше всего на свете.

Он смеется.

– Ну... Будем надеяться, что твой самолет вылетит завтра.

Я в недоумении. Завтра – это двадцать четвертое. Если он не вылетит завтра, то...

– Боже мой! Я проведу Рождество *одна* в аэропорту!

– Не беги вперед паровоза. Все может измениться в один миг. Слушай, я заранее снял тебе комнату в домике вниз по дороге. Ничего особенного, но большинство гостиниц уже занято, ведь сейчас праздники. Я знаю владельцев, Криса и Андреа. Они милые люди. Найми челнок, чтобы добраться до них.

– Благодарю, – с покорностью отвечаю я.

– Не за что, Барби.

Улыбаюсь, несмотря на кислое настроение. Раньше терпеть не могла, когда он так меня называл.

– Ты уже отрастил бороду? – спрашиваю снова, однако Джона продолжает увиливать. Надеюсь, что да – никогда не думала, что буду этого хотеть.

– Придется тебе подождать и посмотреть самой. Давай. Забирай свои двадцать пять чемоданов с перевесом и поезжай к ним. Набери меня позже.

– Хорошо.

Прикусываю губу, сдерживая желание произнести те три коротких словечка, которые удержала в себе месяц назад в аэропорту и которые заглушаю теперь при каждом телефонном звонке, уговаривая себя, что не могу произнести их впервые, находясь за сотни километров от Джоны.

В глубине души просто боюсь, что он не испытывает ко мне того же. Во всяком случае пока. Знаю, что его чувства ко мне сильны, – иначе мы бы не затеяли все это. Но если Джону что-то и характеризует, так это его прямота и бесстрашие, и все же он еще не сказал, что любит меня. Данный факт заставляет меня думать, что, возможно, он еще и сам не уверен в своих чувствах.

А я *не могу* стать первой, кто произнесет признание.

– Ну, поболтаем позже?

Джона усмехается.

– Да, разумеется. Увидимся, Калла.

Направляясь к багажной карусели, изо всех сил стараюсь не волочить ноги по полу. К счастью, чемоданы с чикагского рейса уже выгружают на ленту. Я пока не вижу своих, а потому останавливаюсь неподалеку и жду, и мое разочарование от того, что застряла в Анкоридже на ночь, да еще и вдалеке от Джоны, весьма сказывается на моем настроении.

Тридцать минут спустя, уже после того как окончилась выдача и последние пассажиры разобрали свои вещи, добавляю в свой список «вещей, которые пошли не так, когда я переехала на Аляску», еще и пропавший багаж.

Когда-нибудь посмеюсь над этим... но это будет когда-нибудь потом.

Глава 3

– Почему Аляска против того, чтобы у меня была одежда? – Я принимаю бокал красного вина из рук официанта – мужчины в черной рубашке на пуговицах, с неухоженными каштановыми волосами, – с кивком благодарности, прижимая телефон плечом к уху.

– Ты выглядишь слишком хорошо без нее, – иронично отвечает Джона.

Мои щеки вспыхивают. Последний раз я оказалась без своего багажа благодаря ему и той крошечной жестяной банке, на которой Джона прилетел за мной, когда считал меня просто избалованной соплячкой, нуждающейся в уроке.

– Ты снова имеешь к этому какое-то отношение?

Он смеется.

– Хотел бы. Их куда-то перебросили?

– *Судя по всему*. Багаж, отправляющийся в Чикаго, перетасовали из-за какой-то заминки с перевесом. Мне сказали, что чемоданы отправят сегодня ночью и их первым же делом доставят завтра утром ко мне в отель.

Уж не знаю, верить ли им. Служащий аэропорта извинился, обещал возместить мои непомерные расходы, а затем предложил мне дорожный набор, состоящий из дешевой одноразовой зубной щетки и крошечного тюбика зубной пасты. К счастью, свои туалетные принадлежности и косметику положила в ручную кладь. С ними и пижамой, которую прикупила в «Волмарте» по дороге, эту ночь я переживу.

Но что меня беспокоит больше всего – так это рождественские подарки, которые упаковала в чемоданы.

– Что, если они не успеют прилететь вовремя? Мой рейс назначен на три.

Я провисела на телефоне с авиакомпанией два часа из своего гостиничного номера, чтобы заполучить это место.

– Не волнуйся. Одежда тебе не понадобится. По крайней мере, несколько дней точно.

Моя кровь бурлит от непроизнесенного обещания Джоны о том, что последует дальше, и его еще более хриплого, чем обычно, голоса.

Временами последний месяц казался просто бешеным из-за подготовки к моему переезду, но он затянулся. Мы прошли долгий путь от почти совместной жизни в недели, предшествующие смерти отца, до расставания в тот прохладный день в Анкоридже, когда не планировали продолжать наши отношения, и до воссоединения два месяца спустя во время четырехдневного визита Джоны к нам на выходные.

В моей спальне на третьем этаже, прямо над мамой и Саймоном.

Это не совсем благоприятствовало той близости, которой мы оба жаждали, тем не менее тогда мы предприняли все возможное. Однако это многомесячное ожидание закончилось для меня лишь непрекращающимся разочарованием.

Слышать подобные вещи от Джоны совсем не просто.

Просто дожидаться *не могу* того момента, когда останусь с ним наедине.

Я делаю глоток вина.

– Снегопад еще не кончился?

– *Еще* не кончился. Как тебе отель?

Я понижаю голос до тихого шипения.

– Если не считать всех этих *мертвых* животных?

Стены холла оказались доверху увешаны медвежьими шкурами, оленьими головами и чучелами рыб всех возможных цветов и размеров, а еще в фойе обнаружилась люстра из разномастных оленьих рогов – собранных в лесу или добытых в результате убийств, – тусклый свет которой добавлял этому месту только большей жути.

– Рядом со стойкой регистрации стоит чертов *водяной буйвол*.

– Это мускусный бык.

– Да неважно. Этот дом – могильник диких животных.

– Ага, это их фишка. Андреа – таксидермист.

Мои глаза широко распахиваются.

– Так это она изготовила все эти штуки?

– И добыла большинство из них на охоте. Тебе стоит осмотреть их дом. Там в углу есть взрослый медведь гризли.

– Звучит восхитительно, – морщусь я, пытаюсь представить себе женщину, которая находит удовольствие в потрошении животных и измерении их глазниц для подбора идеального размера стеклянных шариков. Что-то подсказывает мне, что обмениваться любимыми оттенками лака для ногтей мы не станем.

– Ты на Аляске. Стреляют и набивают шкуры здесь не только мужчины. Таков уж порядок вещей. Ты привыкнешь.

Вздыхаю. «Привыкнешь», кажется, теперь новая любимая фраза Джоны.

– До тех пор, пока ты не принесешь мне домой тушу и не попросишь меня разделать ее и приготовить.

Знаю, что Джона и сам охотится. Видела коллекцию винтовок и дробовиков в его сейфе. Просто еще не до конца уверена, как я к этому отношусь.

– Даже не мечтай. – Улавливаю улыбку в его голосе. – А ресторан уютный хотя бы?

– Ага, – признаю я.

Он отделан темными деревянными панелями и обогревается настоящим сложенным из камня сельским камином, полыхающим в соседнем углу. Окна выходят на замерзшее и покрытое снегом озеро Худ, полностью белое в тених послеполуденного заката, если не считать разноцветных маленьких самолетиков с лыжами вместо колес. А на дальней стороне озера стоят скромные многоквартирные дома из коричневого кирпича. За ними вдалеке вырисовываются величественные силуэты гор с белыми шапками.

Осматриваю столики вокруг любопытным взглядом. Занята примерно треть зала. Сколько из этих людей застряли здесь так же, как я, ожидая, когда они доберутся куда-нибудь?

– Что закажешь?

– Не знаю. – Перелистываю страницы меню. В основном здесь подают обычную пабную еду, но есть и фирменное блюдо из ребрышек. – Море вина, чтобы утопить мои печали?

– Тогда садись за барную стойку. Крис должен быть где-то там.

Мой взгляд блуждает по длинной величественной стойке из темного ореха – самой причудливой вещи в этом месте – и натывается на высокого мужчину с седыми жилистыми волосами.

– У него большие кустистые усы?

– Да, это он. Он подсядет тебе на уши на всю ночь. Спроси его о его хаски. Он владеет собачьей упряжкой, и их сын каждый год принимает участие в гонке Iditarod. И закажи бургер. Котлеты Андреа делает сама.

– Из *настоящей* говядины? – невинно задаю вопрос. Я усвоила прошлые уроки.

Джона усмехается. И не отвечает – это от моего внимания не ускользает.

– Тыквенный суп тоже хорош.

Морщусь.

– Ненавижу тыкву.

– *Что?* Неправда.

– Вообще-то правда. Меня от нее тошнит.

– Нет, не тошнит.

– Почему ты со мной споришь? Я говорю тошнит. То же самое касается свеклы.

Джона стонет в голос.

– Иисус. Ты такая же вредная, как был Рен.

Я ощущаю, как что-то сжимается в груди при упоминании отца, которого Джона знал лучше, чем когда-либо буду знать я.

– Ошибаешься. Он вообще не ел овощи. Я не ем только тыкву и свеклу. – После долгой паузы я прибавляю: – А еще капусту и грибы. И я ненавижу клубнику.

– *Клубнику?* Боже, на что я подписался? – В тоне Джоны звучит дразнящая нотка. – Ладно, Барби, выкладывай остальное. С чем еще предстоят сложности? Подожди, подожди... возьму блокнот. У меня ощущение, что список будет *длинным*.

Я представляю его растянувшимся на его диване в мешковатых джинсах, с закинутой за голову мускулистой рукой, в простой хлопчатобумажной рубашке, натянутой на широкую грудь, произвольно демонстрирующую множество твердых бугров, из которых состоит все его мускулистое тело.

«*Сегодня вечером я должна была лежать на этом теле*», – с горечью понимаю я.

– Дай подумать... – Я устраиваюсь поудобнее, закидываю ноги в туристических ботинках на стул напротив и ухмыляюсь. – Для начала волосатые несносные мужчины и дешевое пиво.

* * *

– *He-e-em!* – Я стону в подушку, когда внизу телевизионного экрана мелькает заголовок новостей, сообщающий о самом сильном снегопаде на юго-западе Аляски за последние почти пятьдесят лет. Это утверждение подкрепляется видео и фотографиями вчерашнего дня: со всех сторон валит снег, дороги занесло метровыми сугробами, под которыми погребены машины.

Хуже того, метеоролог, одетый в красную парку с меховой подкладкой, лицо которого скрыто под капюшоном, обещает, что, начиная с сегодняшнего утра, Анкоридж тоже достигнет непогода. Я проверяю свой рейс и вижу, что вылет уже задержан на час.

Поднявшись с кровати, иду к окну. Мои босые ноги холодит прохладный воздух, и это немного притупляет ноющую головную боль. Вчера вечером, последовав совету Джоны, перенесла вечеринку жалости к себе поближе к бару, чтобы поболтать с Крисом. Он оказался таким же милым, как и говорил Джона, хотя и немного неловким. Крис травил приевшиеся шутки о канадском акценте и нашей конной полиции. Около девяти вечера появилась Андреа. Она была совсем не такой, какой я себе представляла женщину, которая убивает животных и делает из них чучела. Ее лицо, напоминающее личико пикси, обрамляли пепельно-белые волосы, подстриженные бобом, а широкая улыбка излучала лишь теплоту и радушие.

Они напоили меня красным вином – несколько бокалов было за счет заведения – и пару часов развлекали рассказами о ее охотничьих подвигах и сумасшедших постояльцах, пока все мое тело не загудело, а живот не разболелся от смеха. А еще я получила приглашение на рождественский ужин, если вдруг застряну в Анкоридже.

Когда я, пошатываясь, добрела до своей комнаты, уже близилась полночь, однако заставила себя не спать и смотрела фильмы на своем компьютере почти до двух часов ночи в попытке настроить внутренние часы на четырехчасовой сдвиг во времени.

Утром все равно проснулась в шесть.

Отдернула штору и наткнулась на бескрайнюю черноту за окном – солнце еще не успело взойти. Несколько тусклых уличных фонарей, освещающих парковку, мало что сообщили мне о снегопаде. Если над нами и есть тучи, то их не увижу еще несколько часов.

Но, учитывая мою удачу, боюсь, что рождественский ужин я проведу с этими незнакомцами.

Спотыкаясь, возвращаюсь в постель, чтобы проверить, не пришел ли ответ на мое: «Ты уже проснулся? Насколько все плохо?», которое я отправила Джоне, как открыла глаза.

Приходит ответное сообщение: «Выглядит не очень. Еду в “Дикую Аляску”, чтобы помочь разобраться с царящим там хаосом».

Тяжко вздыхаю. Джона отказывается называть бывшую чартерную компанию моего отца как-то иначе, несмотря на то, что на их самолетах и маленьком терминале уже несколько недель красуется новый малиново-синий логотип «Аро». Это единственное заметное изменение на данный момент, сказал мне Джона. Новый владелец пока сосредоточился на том, чтобы разогнать бизнесовую часть. Только летом он планирует обновить офис и зону ожидания аэропорта.

К тому времени мы уже покинем Бангор, если, конечно, сможем найти подходящее местечко недалеко от Анкориджа. И *если* когда-нибудь этот снег перестанет идти.

Мое настроение падает настолько, что я рискую разреветься. Запиваю несколько таблеток «Адвила» водой и зарываюсь с головой под одеяло.

* * *

Тишину разрывает пронзительный звук гостиничного телефона, вырывающий меня из беспокойной полуденной дремы. Портье сообщает, что прибыл мой багаж. Испытываю облегчение на фоне общего разочарования. Однако длится оно недолго. Проверяю свой рейс и вижу, что его отложили еще на час. С другой стороны – его не отменили полностью. Пока что.

От Джоны сообщений больше нет, хотя я и не удивлена. От него всегда ничего не слышно, когда он работает. Тем не менее мое настроение это не улучшает. Как и мой урчащий желудок.

Однако есть сообщение от мамы: на селфи она и Саймон на пляже поднимают на камеру тост, улыбающиеся и белокожие, словно макароны.

Возможно, мне стоило послушать ее и отправиться на Теркс. Тогда мне бы не пришлось проводить Рождество под чучелом гризли, которое пялится на меня, пока я ем.

Отодвигаю эту кислую мысль в сторону и встаю: натягиваю вчерашнюю дорожную одежду, чищу зубы, собираю волосы в небрежный узел и подкрашиваю ресницы.

Забавно, что еще полгода назад, до того как Джона вторгся в мою жизнь, я бы ни за что не вышла из комнаты без полного макияжа. Тогда мой внешний вид казался мне гораздо более важным в великой схеме вещей, чем сейчас.

Распахиваю дверь, намереваясь раздобыть себе завтрак и заодно забрать свои вещи.

И задыхаюсь, глядя на прислонившуюся к стене высокую мужскую фигуру: мускулистое тело укутано в тяжелое клетчатое зимнее пальто поверх нескольких слоев флиса, а пепельно-русые волосы прикрыты черной шапочкой. Пронзительные льдисто-голубые глаза неотрывно смотрят на меня.

– Что ты здесь делаешь?! – восклицаю я, ощущая волны облегчения, пронизывающие мои конечности.

– А ты угадай, – отдается в моей груди хриловатый голос Джоны.

Боже, как же мне не хватало слышать его вживую.

– Но я думала... буря...

– Выдалась передышка, и я воспользовался ей, летел так низко, как только мог, и молился, чтобы она продлилась чуть дольше.

Его взгляд скользит по моим волосам, носу, губам и задерживается там.

– Было ужасно?

– Может, ты уже подойдешь? – Он делает шаг ко мне.

Я ныряю в объятия Джоны, наслаждаясь ощущением его сильного тела, прижатого к моему, и его запахом – мятной жвачки и древесного мыла, – пока наши губы находят друга друга в приветственном поцелуе.

– Мой рейс отложен.

Джона обхватывает меня руками и притягивает к ближе к себе, царапая мою кожу щетиной, когда наклоняется, чтобы уткнуться лицом мне в шею. Он глубоко вдыхает...

– Я знаю. В аэропорту все вверх дном. Толпы людей пытаются успеть добраться к Рождеству.

Я закрываю глаза.

– Поверить не могу, что ты здесь.

Внезапно наше первое совместное Рождество в отеле с мертвыми животными уже не кажется мне таким ужасным.

– Разумеется, я здесь. Будто мог позволить тебе остаться одной на праздник.

– Значит, обратно я полечу с тобой?

– Обратно мы сегодня не полетим. – В голосе Джоны появляется какая-то нотка, которая заставляет меня подумать, что полет сюда через горы был намного хуже, чем он о нем говорит. А ведь когда дело касается полетов, Джона бесстрашен.

Часть меня хочет отчитать его – что, если бы он разбился? – но еще большая часть переполнена эмоциями от того, что Джона предпринял это рискованное путешествие сюда ради меня.

– Я люблю тебя, – выпаливаю я, не успев подумать.

Проходит несколько секунд, Джона отстраняется от меня на достаточное расстояние, чтобы встретиться со мной взглядом. В его глазах горит любопытство.

Затаиваю дыхание, внезапно испугавшись, что мне придется добавить и этот момент к растущему списку вещей, которые пошли не так во время переезда.

– Мне было интересно, сколько времени тебе понадобится, чтобы набраться смелости и сказать это. Особенно после того, как ты струсила в аэропорту. – Джона убирает с моего лица выбившуюся прядь волос. – Думал, придется ждать целую вечность.

Какое-то время стою с открытым ртом.

– Ты знал?

– Вы, Флетчеры, никогда не умели выражать свои чувства. – На его губах появляется мягкая лукавая улыбка. – Разумеется, я знал.

Закатываю глаза, даже несмотря на появившийся на моих щеках румянец. Не так я себе представляла этот момент: Джона укоряет меня за то, что я похожа на своего отца, в темном коридоре охотничьего домика где-то в Анкоридже.

– Что ж... круто.

Что еще я могу сказать, особенно если учесть, что он не ответил мне взаимностью.

Рот Джоны расплывается в идеальной белозубой улыбке.

– Ты милая, когда беззащитна.

Во мне вспыхивает возмущение.

– Знаешь что? Я беру свои слова назад.

– Не-а. Не берешь.

– Еще как беру. На самом деле сейчас я тебя просто ненавижу.

Пытаюсь вырваться из его рук, но они сжимаются сильнее, удерживая меня.

– Посмотри на меня, – мягко требует Джона.

Поднимаю взгляд после секундного нежелания. Его голубые глаза сурово смотрят на меня.

– Я не помню, каково это – не любить тебя, Калла.

Пульс в моих венах учащается.

Джона наклоняется и прижимается лбом к моему лбу.

– Не помню, каково это – проснуться и не подумать о тебе. Каждое утро в моей постели я первым делом тянусь, чтобы проверить, нет ли от тебя сообщения. Каждый вечер я ложусь

спать раздраженным, потому что рядом со мной нет тебя. Потому что ты так далеко. Ты нужна мне так же, как полеты. Как мне нужен воздух Аляски. Больше, чем воздух Аляски.

– Вау. Это... – Сглатываю комок в горле, едва не уплывая в эйфорию от его нежного признания. *Это куда лучше, чем просто выпалить: «Я тебя люблю».*

Он сжимает ладонями мой подбородок.

– Ты была создана для меня. И я безумно люблю тебя, Калла Флетчер.

Его рот ловит мой в обманчиво мягком поцелуе, который грозит подкосить мои колени. Это вырывает из глубины моей души стон, и мучительное многомесячное ожидание ощущения губ Джона на моих наконец заканчивается.

Цепляюсь за его предплечья для надежности, обхватывая их руками и наслаждаясь мощностью. Я до боли хочу снова ощутить под кончиками пальцев его напряженные мышцы, гладкую кожу и мягкие волосы, почувствовать вес его тела, вдавливающий меня в матрас.

К моему животу, дразня, прижимается гребень его эрекции.

Нас спугивает покашливание. Мимо, смущенно улыбаясь, к своей тележке в дальнем конце коридора проходит горничная.

Киваю на открытую дверь своего номера позади нас.

– Может, нам стоит войти?

Потому что я в пяти секундах от того, чтобы расстегнуть пряжку его ремня, и уже неважно, увидит ли это кто-нибудь.

Джона делает шаг вперед, но затем останавливается, решительно мотая головой.

– Если мы хотим выбраться отсюда сегодня, то идти нужно уже *сейчас*. Циклон движется медленно, но он приближается.

Я хмурюсь.

– Мне показалось, ты сказал, что мы не полетим сегодня обратно.

– Нет, но здесь мы не останемся.

– Тогда куда мы?

– Повидаться с Сантой.

– *Что?*

– Ты мне доверяешь?

– Да, но...

– Тогда хватит болтать, собирайся и встречаемся в холле. Я выселю тебя из номера.

Он целомудренно чмокает мои губы в последний раз и уходит, насвистывая песенку «Рудольф, Красноносый Олень».

– Но мои чемоданы...

– Они у стойки регистрации! – кричит Джона через плечо, а затем громко добавляет: – Но я уже говорил, Барби, несколько дней одежда тебе не понадобится.

Мои щеки пылают, и я ищу взглядом горничную, которая стоит у своей тележки, опустив голову, и делает вид, что не слышала этого.

А потом спешу в комнату, чтобы собрать вещи.

Глава 4

– Я не вижу *ни* Санты, *ни* его эльфов.

Смотрю на домик в форме буквы А, примостившийся на самом краю линии деревьев, пока Джона кружит на нашем самолете над замерзшим озером. К нему ведет узкая тропинка, идущая через лес, соединяющаяся с другой, что змеится в море высоких и стройных вечнозеленых деревьев. Вот она уже больше похожа на дорогу, хотя я и не знаю, как часто ею пользуются.

– Ты просто разминулась с ним. – Джона ухмыляется и тычет большим пальцем в сторону последнего города, над которым мы пролетели.

И наконец-то меня осеняет.

– Северный полюс! Боже мой! – Меня захлестывает волна ностальгии. Поверить не могу, что не догадалась об этом раньше. – Папа всегда рассказывал, как он летал сюда. Я считала это самой крутой вещью на свете.

Это было в те времена, когда я знала его лицо только по фотографии и болтала по телефону без умолку, а он терпеливо слушал.

Ко мне через гарнитуру доносится грудной смех Джоны.

– Ага. Ну это не сам Северный полюс, но это город Норт-Пол, штат Аляска. Рождество здесь круглый год. А вдоль главной улицы у них стоят гигантские леденцовые палочки. Завтра можем взять снегоход, если хочешь и если будет нечем заняться. Он не так далеко. – Джона указывает на раскинувшиеся вдаль домики, где в сумерках, в преддверии наступающей ночи зажигаются огни. – А впереди нас – Фэрбанк. Второй по величине город на Аляске.

Джона больше ничего не проронил о том, куда направляемся, пока мы укладывали мои чемоданы на пассажирские сиденья. Однако, когда я сунула нос в грузовой отсек, в нем оказались его черный вещевой мешок, термосумка, коробка сушеной еды и несколько бутылей питьевой воды. Я донимала Джону расспросами все то время, пока мы обгоняли надвигающуюся непогоду, держа курс на северо-восток – через замерзшие равнины и над заснеженными зубчатыми хребтами внушительной горной цепи, достаточно высокой, чтобы нависающие вокруг тучи разошлись и пропустили солнечные лучи. И все же Джона упрямо молчал, забавляясь моим разочарованием, пока радиочастота просто гудела от болтовни других пилотов, диктующих свои координаты, погодные условия и отпускающих странные шутки.

В этот момент, когда солнце уже готово опуститься за горизонт в два тридцать пополуночи, я смирилась с тем, что Джона завез меня на север дальше, чем когда-либо в своей жизни забиралась я сама.

Это теперь моя жизнь.

Пройдет ли когда-нибудь мой шок по этому поводу?

Я кутаюсь в теплую куртку, напрягая все тело и вжимая ноги в толстые зимние ботинки, пока Вероника – четырехместная «Цессна», в которой я провела так много времени, когда Джона возил нас с отцом на ежедневные экскурсии по Аляске, – кренится и безудержно трясется во время нашего снижения. И хотя я уже волнуюсь не так сильно, как в тот июльский день, когда в первый раз летала на маленьком самолете, несколько месяцев отсутствия полетов лишили меня части моей внезапно обнаружившейся тогда храбрости.

– Чей это дом?

– Джорджа и Бобби. Они собирались приехать сюда на Рождество, но у Джорджа случился приступ одного из этих его забавных предчувствий. – Джона бросает на меня многозначительный взгляд.

Джордж – это грузный пилот со Среднего Запада, известный тем, что часто отказывается от полетов из-за своих суеверных наклонностей.

– Потому они решили переждать снегопад и предложили нам воспользоваться их жилищем следующие три дня. Оно полностью укомплектовано для проживания.

– Это щедрое предложение с их стороны.

При мысли о трех днях наедине с Джоной у меня начинается головокружение. Самым большим промежутком времени, который мы когда-либо проводили *абсолютно* наедине, был тот полет в горы за парочкой туристов прошлым летом. Мы совершили посадку на ночь из-за сильного тумана и ветра и нашли убежище в «Хижине общественного приюта», так это называлось. Там не было ни водопровода, ни электричества – ничего, кроме одного спального мешка и вяленой мускусной крысы. И непреодолимого напряжения между нами, которое достигло точки кипения и которое невозможно было игнорировать дальше. Та ночь изменила все.

А еще это была последняя ночь, когда я тешила себя иллюзиями, что мой отец сможет пережить рак.

Джона ослабляет хватку на штурвале, чтобы сжать мое колено.

– Они рады, что ты оправилась.

– Это еще предстоит выяснить, – передразниваю я, прежде чем моя улыбка тает. – А как Агнес и Мейбл? Знаю, что ты хотел бы быть рядом с ними сейчас. Они расстроятся?

Мой отец проводил каждое рождественское утро, сидя на диване Агнес с кружкой кофе в руках и шашечной доской перед ним.

– Это Агги следила сегодня за метеорологическим радаром с четырех утра, надеясь застать перерыв, чтобы я полетел к тебе. Она не хотела, чтобы ты застряла в Анкоридже одна. Кроме того, на ужин они едут к Джорджу и Бобби. Там будет много кого из «Дикой Аляски».

– Звучит... восхитительно.

Я слишком долго винила компанию чартерных авиалиний моего отца в нашей разлуке. Ненавидела все, связанное с ней. И чтобы понять, что это не просто бизнес, не просто место для заработка денег, мне понадобилось лично приехать сюда. Мой отец и компания «Дикая Аляска» делали жизнь людей лучше. В ряде случаев – они спасали ее. И его сотрудники были для папы настоящей семьей. Мне до сих пор кажется неправильным, что я вот-вот унаследую деньги, полученные за продажу предприятия, которое так презирала раньше.

Я колеблюсь.

– Дом папы уже выставлен на продажу?

Отец был владельцем всех трех модульных домов на том участке дороги – своего, Агнес и Джоны. Они перешли к нему от моих бабушки и дедушки. Рен Флетчер не отличался быстротой и решительностью в действиях, однако последние недели своей жизни он активно заполнял всевозможные документы, чтобы в нужный момент всю собственность можно было передать другим лицам. Чтобы избежать всей этой муторной истории с завещанием, говорил он. Это облегчило всем жизнь: Джона смог претендовать на тот дом, который снимал, а два других получили в собственность Агнес и Мейбл, которые могли делать с этими домами все, что захотят.

– Еще нет. Весной. Агнес хочет дать нам шанс продать сначала наш дом, а это займет какое-то время. Пока что был только один заинтересовавшийся.

Замечаю, как он говорит «нам» и «наш», словно этот дом принадлежит и мне тоже, и мое сердце теплеет.

– Могу помочь ей сменить обои на кухне, если она захочет, – предлагаю я, хотя меня передергивает при одной только мысли о том, что придется соскребать все эти крякозябры.

Помню, когда мы только переехали, жилище Саймона тоже было оклеено обоями. Это был старый английский дом его родителей, который он у них выкупил. Примула – в ванной, яблони – на кухне, сирень – в столовой.

Даже не уверена, что моя мама распаковала свои чемоданы, прежде чем атаковала санузел металлическим шпателем. В конце концов они наняли специальных людей, которые разо-

брались со всем остальным, потому что, во-первых, это было слишком уж непосильной задачей для одного человека, а во-вторых, сомневаюсь, что Саймон оценил пренебрежительные комментарии моей матери о декораторском вкусе его родителей, пока она в гневе орудовала тем самым шпателем.

Но, *разумеется*, Агнес я помогу. Я бы сделала все для этой крошечной добродушной женщины, которая стала катализатором моего воссоединения с отцом и вообще причиной того, что я здесь с Джоной. Кроме того, что еще мне делать, пока Джона дорабатывает свой последний месяц в «Аро»?

Как странно будет снова оказаться в этом доме, разбирая все, что делало его домом моего отца. При этой мысли по спине пробегает дрожь беспокойства.

– Я тоже помогу, – рассеянно бормочет Джона, поскольку его пристальное внимание сосредоточено сейчас на заснеженном участке озера впереди нас.

– Оно ведь замерзло, верно? – уточняю я.

– Должно было.

– Должно было?

– Я надеюсь, что оно замерло.

Я бросаю на Джону встревоженный взгляд.

– Ты так шутишь, да?

– Нет. – Он ухмыляется. – Но именно поэтому мы вначале прощупаем его. В основном, чтобы проверить снег, но также и на предмет затопления.

Понятия не имею, что такое затопление озера, но сосредоточенный взгляд Джоны убеждает меня, что я не особо хочу донимать его вопросами прямо сейчас. Сажу тихо все то время, пока снижаемся, и чувствую, как на мгновение лыжи самолета на полном ходу чиркают по поверхности озера, прежде чем снова набираем высоту. Делаем круг, и, когда Джона смотрит на оставленные следы, бурча, что все в порядке, снова снижаемся.

Через несколько минут лыжи Вероники уже скользят по заснеженному озеру. Мы останавливаемся метрах в десяти от домика. В любой другой ситуации я бы забеспокоилась, не врежемся ли мы в него, но, по словам моего отца, Джона – один из лучших пилотов, и если кто и мог что-то понимать в этом, так это Рен Флетчер.

Джона наклоняется вперед, чтобы осмотреть местность через лобовое стекло.

– Миленко, правда?

– Словно рождественская открытка.

Два этажа домика из крашеной глины накрывает крутая крыша с большим козырьком – чтобы защитить деревянную дверь от стихии. С левой стороны торчит высокая труба, а пространство под настилом до отказа забито дровами для растопки.

Мне уже не терпится дождаться вечера, чтобы свернуться калачиком у огня.

Каждое из пяти окон и дверь украшают традиционные вечнозеленые венки с красными ленточками, и это определенно создает уютное рождественское настроение. На террасе со свисающими нитями цветных фонариков, натянутых по всей ширине дома, стоят повернутые к озеру два ярко-красных деревянных кресла, выглядывающие из-под слоя нетронутого снега.

И я уже собираюсь сказать, что дом просто идеален, пока не замечаю небольшую деревянную пристройку, притаившуюся в зарослях у деревьев позади, с вырезанной в двери луной. От этого неприятного сюрприза стону в голос.

– Да ладно тебе... Ты выше этого, – подначивает меня Джона, что еще больше раздражает. Он знает, насколько сильно я презираю уличные туалеты.

– Не-а. Ты *привыкнешь*, – бросаю я ему его любимую фразу. – Здесь же чертовски холодно! И темно уже, сколько, пятнадцать часов?

– Сейчас, скорее, двадцать минут восьмого.

– О, еще лучше!

Он смеется.

– В этом нет ничего страшного.

– Говорит парень, которому всего-то и нужно, что открыть дверь и *растегнуть штаны*. А мне тем временем придется лезть через трехметровые сугробы *в темноте* – возможно, с волками и прочим дерьмом вокруг – и морозить свою голую задницу *каждый раз*, когда мне нужно будет в туалет!

– Там есть тепловая лампа.

Я бросаю на Джону неприязненный взгляд, чем вызываю его смех.

– А что, если я помогу размораживать твою задницу после?

– Да уж не сомневайся, – бурчу я.

– Боже, как мне не хватало твоего несносного поведения. – Его пальцы обвиваются вокруг моей шеи и мягко, игриво сжимают ее. – Пошли... Давай обживем это место.

* * *

– Ты можешь снять куртку и сапоги. Думаю, наконец-то стало достаточно тепло.

Джона подбрасывает еще одно полено в печку. Оранжевое свечение, исходящее от нее, разгорается сильнее.

Проверяю его утверждение. Когда мы впервые вошли в этот причудливый домик из сучковатой сосны, от нашего горячего дыхания в воздухе повисали облачка пара. Однако теперь, когда в печи пылает огонь, источающий тепло, остается лишь легкая зябкость.

Сбрасываю ботинки и стягиваю с себя парку, надевая вместо них красно-черную клетчатую фланелевую рубашку и шерстяные носки, что откопала в своем чемодане. С бокалом красного вина, который я налила после разгрузки наших запасов еды – в основном это снеки и заранее приготовленные угощения из морозильника Агнес, а также индюшачья грудка, готовая к отправке в маленькую пропановую печь, – устраиваюсь на футоне, стараясь не задеть масляную лампу, отбрасывающую тусклый, но теплый свет.

– Как часто ездят сюда Бобби и Джордж?

– На неделю или две летом и очень часто по выходным, когда заканчивается сезон. Как правило, с Рождества до Нового года они здесь. – Джона в последний раз поправляет кочергой горящие поленья и закрывает маленькую дверцу на щеколду. – Тут они собираются жить после выхода на пенсию. Когда обустроят дом, чтобы в нем можно было обитать комфортно круглый год.

– Круглый год? Я бы заскучала.

Мой любопытный взгляд скользит по интерьеру с симпатичными вещицами Бобби – вышитой подушкой, пастельной акварелью с изображением парящего над озером самолета, сувенирной табличкой с надписью об очаге и доме, – и все это очень похоже на ту кипучую кассиршу из продуктового магазина с едва уловимым алабамским акцентом, которую я помню.

Над нашими головами располагается крошечная мансарда, в которой помещается только двуспальная кровать и две узкие приставные тумбочки. Я с трудом могу представить себе Джорджа, крупного мужчину с подкрученными кверху усами, поднимающегося по этой лестнице ночью.

– Как они затащили туда всю эту мебель?

– С трудом, на тросах. Для этого они позвали меня.

Джона со стоном опускается на футон рядом со мной. Он не присаживался с тех самых пор, как его ботинки коснулись заснеженной земли несколько часов назад: разгружал и закреплял самолет, таскал дрова, заряжал и вешал ружье на стену, настраивал многочисленные источники энергии на пропане, масле, аккумуляторах и солнечных батареях, которые поддерживают

эту хижину в жилом состоянии. И он уже говорит о том, чтобы нарубить побольше дров, а завтра отправиться на снегоходе за водой из городского колодца.

Я прислоняю свою гудящую от перелетов голову к его плечу, вдыхая аромат горящего дерева и впитывая окружающую нас тишину, нарушаемую лишь звуками потрескивающего огня. Даже и не вспомню, когда я была так довольна в последний раз.

– Было бы здорово иметь подобное место для побега.

Джона вскидывает брови.

– Даже с туалетом снаружи?

– Я бы приезжала сюда только летом.

Обнаружила, что здесь есть полноценный санузел, работающий в теплые месяцы, когда вода не замерзает в трубах.

– Моя маленькая принцесска, – дразнит Джона, и его рука ласково скользит по моему бедру. Но затем его голос становится более тихим, более серьезным. – У нас тоже может быть такое, когда мы устроимся. Дай нам несколько лет, чтобы обосноваться, а потом сможем присмотреть себе участок земли где-нибудь здесь, повыше и построить свой собственный дом.

– Такой же, как этот?

– Может, немного побольше. – Джона делает небольшую паузу. – Достаточно вместительный для нас и наших двенадцати детей.

– *Только* двенадцати? – усмехаюсь я, но в животе у меня все трепещет. – Как насчет того, чтобы попробовать сделать одного и посмотреть, как пойдет дальше?

Из всех вещей, что ценю в Джоне, на первом месте стоит его прямота. Она заставляет меня вести разговоры, которые в противном случае не состоялись бы вообще никогда, если бы я была предоставлена самой себе. Джона поднял тему детей впервые еще в Торонто. Почти в качестве контрольного теста, как подозреваю, потому что, когда я подтвердила, что, да, хочу детей *когда-нибудь*, его облегчение было заметно.

– По-моему, звучит неплохо.

Джона усаживает меня к себе на колени, чтобы я оказалась лицом к его лицу, а мои бедра обвили его талию. В его груди раздается глубокий рокот, когда его руки захватывают и очерчивают все мои изгибы – от бедер к талии, а от талии к груди – одним плавным движением.

Я перебираю пряди его пепельно-русых волос, и мое тело откликается на его желание. Моя грудь вздымается от нового уровня чувств к этому мужчине. Не собираюсь становиться матерью в ближайшее время, но то, что Джона так решительно настроен, так уверен и не боится этой мысли, неожиданно сексуально. Я и подумать не могла, что он может стать еще более притягательным.

Он ловко спускает фланелевую рубашку с моих рук, позволяя ей упасть на пол. Потом снимает мой свитер, оставляя меня в тонкой хлопковой рубашке. Я дрожу, несмотря на то, что уже не ощущаю холода.

– Как тебе то место? – спрашиваю я, глядя его широкие плечи, твердую грудь и рельефный живот.

Свое телосложение Джона объясняет норвежскими генами. И действительно, с тех пор как мы познакомились, я ни разу не замечала, чтобы он посещал спортзал. Так что, возможно, это правда.

– Какое место?

Его огрубевшие пальцы проникают под мою рубашку, скользят по спине и находят застежку бюстгальтера. Щелчок – и натяжение ткани ослабевает. По моему телу пробегает дрожь предвкушения. Джона отодвигает кружево в сторону и сжимает мою грудь гораздо нежнее, чем я ожидала от него.

– Объявление, которое я отправила тебе в субботу.

– Ты отправила мне объявление об аренде дома площадью в триста квадратных метров в Анкоридже, вплотную к «Волмарту».

Он поднимает мои руки вверх, затем стягивает рубашку через голову. И отбрасывает бюстгальтер, обнажая верхнюю часть моего тела и подставляя его прохладному ночному воздуху. Джона откидывается назад, словно любясь моей наготой и размышляя, что он хочет сделать с ней в первую очередь. Моя грудь наливается, соски твердеют, а кровь приливает к самому центру.

– Он большой. И арендная плата вполне сносная. – Его взгляд перемещается к моим глазам. – Но в апреле мне исполняется тридцать два, Калла. Я больше не хочу что-то снимать, если на то нет необходимости. Давай поищем что-нибудь на продажу. Что-то, что нам подойдет *идеально*. Дом чуть поменьше, но с территорией побольше. И без «Волмарта» на заднем дворе.

Его руки скользят по моей спине, притягивая мое тело ближе к себе. Он наклоняется, чтобы лизнуть один из торчащих сосков, а затем берет его в рот и с силой сосет.

Я наслаждаюсь противоречивыми ощущениями от прикосновения его щетины – пройдет еще месяц, прежде чем я снова смогу назвать это бородой – и его влажного языка, однако в голове крутится множество разных мыслей. Джона уже как-то упоминал о покупке дома вместо аренды. Однако моя мама упорно настаивает на последнем варианте. Это гораздо менее долговечно, апеллировала она. Если у нас не получится, то разбираться придется с меньшим количеством сложностей. Легче будет собрать вещи и вернуться домой.

Так, как она когда-то сделала это.

Мама сказала, что всего лишь исполняет свой родительский долг, предупреждая меня о возможных подводных камнях до того, как я на них наткнусь.

Но я не она, и Джона уж точно совсем не похож на моего отца. Он хочет остепениться и завести детей – *со мной*. Нашими решениями не руководят случайные беременности.

То, что он так уверен в нас и нашем совместном будущем, придает мне смелости.

– Ладно. Я могу начать просматривать и объявления о продаже...

– Калла? – шепчет Джона, прижимаясь к моей коже, и его горячее дыхание вызывает у меня мурашки. Мне нравится, как звучит мое имя, произнесенное его низким, хрипловатым голосом.

– Да?

Джона смотрит на меня снизу вверх, и его взгляд неразборчив в слабом свете лампы. Я помню, как впервые увидела эти льдисто-голубые глаза – эту великолепную особенность, которую он прятал за солнцезащитными очками и язвительным характером.

– У нас есть все время мира, чтобы обсудить это. Но не *сейчас* же?

Он обхватывает мои бедра своими грубыми сильными руками и прижимает мое тело вплотную к своему тазу. Твердый признак его возбуждения невозможно не заметить.

– Если я не окажусь внутри тебя в ближайшие три минуты, я *умру*.

Я хихикаю, даже несмотря на то, что тело мое пылает жаром.

– И ты называешь *меня* драматичной.

– Я серьезно. Умру прямо здесь, в доме Джорджа. И этот суеверный ублюдок никогда больше не ступит сюда и ногой.

– Нам бы этого не хотелось, – отвечаю я с издевательской серьезностью и беру Джону за угловатую челюсть. Его лицо поразительно красиво, черты сильные и мужественные, и все же почти *прекрасным* его делают эти высокие скулы, пухлые полные губы и длинные ресницы.

Ухмылка Джоны вспыхивает злым умыслом.

– Нет. Не после того, как они были так щедры, одалживая нам это помещение.

– Точно. Самое *меньшее*, что мы можем сделать, это позаботиться о том, чтобы он смог сюда вернуться.

Я с игривой улыбкой прижимаюсь к Джоне бедрами, наклоняюсь к нему и дарю мягкий дразнящий поцелуй, обводя его нижнюю губу кончиком языка и проскальзывая им внутрь, чтобы насладиться ртом Джоны.

Его пальцы впиваются в мои бедра сильнее.

– Я не шутил насчет трех минут.

Визжу, когда он переворачивает меня на спину, растягивая на футоне. Его торопливые пальцы цепляются за резинку легинсов и трусиков, и он стягивает их, хищно рассматривая горячим взглядом каждый сантиметр моего тела, обнажаемый им в процессе. В считанные секунды с меня слетает оставшаяся одежда.

С жадным предвкушением наблюдаю, как Джона приподнимается и в рекордное время стягивает с себя все вещи. Его тело идеально – могучее и пропорциональное, а кожа золотисто-оливкового цвета, даже в непрекращающуюся зиму. Я все еще не решила, какая часть тела Джоны мне нравится больше всего: его широкие плечи, колоннообразная шея, место, где ключицы проступают у грудных мышц, или впечатляющий вырез таза, ведущий вниз к одной толстой и бархатистой на ощупь части тела, которая в данный момент тверда и настойчиво требует моего внимания.

Джона ныряет ко мне и накрывает мое маленькое тельце своим массивным, вжимаясь всем весом между моими бедрами.

– Я думал об этом моменте каждую минуту каждого дня весь последний месяц. – Его пальцы вплетаются в мои, когда он вытягивает мои руки над головой, прижимая их к матрасу.

Наши рты жадно находят друг друга, зубы стискивают и покусывают, языки мечутся, а губы покрываются синяками; мы пробуем друг друга и целуемся с отчаянным безрассудством.

– Три минуты уже прошло, – шепчу я, и все внутри меня напрягается от ожидания.

Я подаюсь бедрами ему навстречу, ища его твердый член и прижимаясь к нему вплотную, страстно желая снова ощутить его внутри себя.

Джона глубоко вонзается в меня одним-единственным толчком и испускает стон.

И мрачноватая тишина хижины наполняется пьянящими звуками нашего долгожданного воссоединения.

* * *

– Калла... Калла, вставай.

Я издаю стон, когда в плечо меня толкает рука.

– Серьезно, Калла, тебе нужно на это посмотреть.

– Сколько сейчас времени? – бурчу я, не желая открывать глаза.

– Почти час ночи.

Я издаю второй – более громкий и раздраженный – стон и натягиваю одеяло на голову. Когда мы задремали на футоне, было уже больше одиннадцати. Наши обнаженные тела, переплетенные друг с другом, не захотели подниматься на чердак по лестнице и остались здесь, у огня.

– По времени Торонто это пять утра. Если я встану, то уже не усну.

– Тебе и так это не грозит. Вставай.

Нотки возбуждения, звучащие в голосе Джоны, заставляют меня выглянуть из-под одеяла. Джона, должно быть, подкинул в огонь еще дров, потому как яркого света от печи достаточно, чтобы разглядеть его в темноте.

Он возвышается надо мной в одних трениках, низко висящих на бедрах и демонстрирующих пьянящую V-образную борозду его таза. Мои гормоны инстинктивно взвинчиваются, и я тянусь к нему, кончиками пальцев дотрагиваясь до его пупка, темной дорожки волос, ниже... пока не нащупываю ладонью вялый, но все еще впечатляющий член.

– Вернись в постель, а?

Джона усмехается, но уворачивается от моей руки. А потом бросает мне мои легинсы, клетчатую рубашку и берет за свою одежду.

– Позже. Мы идем на улицу.

– Ты меня разыгрываешь, да?

Я одеваюсь и плетусь за ним к двери, задерживаясь, чтобы сунуть ноги в ботинки и натянуть теплую куртку с перчатками. Стараюсь подчеркнуто заметно дрожать, пока следую за Джоной в этот пронизывающий холод, и шок от прикосновения его ледяных пальцев для моей щеки подобен пощечине.

Все мои жалобы вмиг рассеиваются, стоит мне увидеть мерцающие зелено-голубые огни, которые колышутся, скачут и танцуют в ясном ночном небе, освещая звездный купол над нами и замерзшее, покрытое снегом озеро внизу.

– Северное сияние! – восклицаю я, замороженная.

Выглядит так, словно небеса внезапно ожили.

Джона встает позади меня, обхватывая руками и окутывая мое тело своим теплом.

– Это одна из лучших обзорных точек в мире, чтобы увидеть его. – Он прижимается губами к моей щеке. – Вот почему я хотел привезти тебя сюда.

Ошеломленно наблюдаю за захватывающим световым шоу в небе.

– Оно видно круглый год?

Дома я не могла разглядеть даже звезд, поскольку городские огни слишком яркие.

– В ясную темную ночь – да. Есть большая вероятность увидеть его, особенно зимой. Но его нужно еще дождаться.

– Боже, это... невероятно! Я должна взять свой фотоаппарат...

– Нет. – Хватка Джоны усиливается, удерживая меня на месте. – Я привезу тебя сюда еще раз, и ты сможешь просидеть здесь хоть всю ночь, отмораживая задницу и делая миллион снимков. Обещаю. Но сегодня это только для нас с тобой. Это наш момент. – Он кладет свой подбородок мне на голову. – Первая ночь нашей совместной жизни.

Расслабляюсь в его объятиях.

– Все в курсе, что ты такой романтик?

– Заткнись. – Мое ухо щекочет его глубокий смех. – Я думал, тебе понравится.

– Я в восторге. – Обхватываю его руку своей. – Спасибо тебе.

Так вот что такое жизнь с Джоной? Он увезет меня в далекие дали и покажет мне кучу невообразимых чудес? То, о чем я даже понятия не имела, и то, о чем я, возможно, слышала когда-то, но никогда не знала, как отнесусь к этому сама?

Потому что если это так, то я никогда не смогу пресытиться этой новой жизнью с ним.

Руки Джоны крепко обнимают меня.

– Счастливого Рождества, Барби.

Я откидываю голову назад, чтобы поймать его губы своими.

– Счастливого Рождества, большой злой йети.

Глава 5

Январь

– Саймон так сильно обжег ступни, что его кожа покрылась волдырями. Ему пришлось *лететь* домой в гостиничных тапочках.

Я держу руку в перчатке перед собой, изучая сложный кристаллический узор снежинки, пока она не растаяла от моего тепла. Если это вообще возможно, учитывая, что сейчас настолько холодно, что у меня волосы в носу слипаются. По крайней мере, будет солнечно, пообещал мне Джона за утренним кофе.

– Мама заставила его воспользоваться инвалидной коляской в аэропорту. Сначала он с ней спорил, а потом устроил грандиозную сцену. Ну, насколько ее может устроить Саймон. А потом он вспомнил свою «острую и непреодолимую боль участи быть женатым на этой женщине» и поспешно сдался. – Имитирую британский акцент Саймона и смеюсь.

Я не жду никакого ответа, и все же ответная тишина оглушает меня.

– Саймон бы тебе понравился.

Мне удастся проглотить вставший в горле ком и побороть угрожающий прилив эмоций. Давненько я не переживала потерю отца с такой силой, когда всего одна мысль или воспоминание – шутка, момент, улыбка – грозили перерасти в неконтролируемые слезы. Однако здесь, в Бангоре, рядом с его могилой, так близко к тому, что физически осталось от него в этом мире, его потеря ощущается все так же остро.

Я прижимаю подкашивающиеся ноги к груди, изучая строгий деревянный крест, на котором аккуратными черными буквами выведено «Рен Флетчер». На этом старом кладбище полно таких простых белых крестов, разбросанных без какой-либо определенной схемы: какие-то из них стоят прямо, свежеекрашенные и с разборчивыми именами, другие же покосились, краска облупилась, а их владельцы уже не поддаются никакой идентификации.

Дерево обвивают потрепанные и поблекшие шелковые цветы, проглядывающие из-под тяжелого снежного покрывала, где они пробудут до весенней уборки, пока их не заменят свежими.

Здесь нет помпезных памятников и дорогих склепов, чтобы похвастать достатком или выделить могилу среди остальных. На новом кладбище на другом конце города множество надгробий самых разных размеров, стилей и стоимости, но на этом – где покоятся первые поселенцы Бангора, похоронены мои бабушка, дедушка и спит вечным сном мой отец – могилы обрамлены лишь простыми белыми деревянными крестами, вне зависимости от того, мог ли себе позволить большее владелец участка. Это странно утешительная концепция, демонстрирующая солидарность с теми, кто так придерживается простоты существования на Аляске. И все же, когда я вижу это море заброшенных крестов, по спине каждый раз пробегает дрожь.

Делая медленные успокаивающие вдохи, закрываю глаза и представляю, что свернулась калачиком в старом плетеном кресле моей матери на крыльце отцовского дома, а папа тихо слушает меня, сидя в шатком кресле на лужайке рядом.

– Джона подарил мне на Рождество камуфлированную куртку. Можешь в это поверить? Я имею в виду, не милую стильную армейскую курточку, которую я купила бы себе сама. А большую, громоздкую, зелено-коричневую штуку с наклейками для охотников. – Морщусь. – А изнутри она флуоресцентного оранжевого цвета, и я могу выворачивать ее наизнанку. Чтобы никто не принял меня за животное и не подстрелил в лесу. – Качаю головой. – И я не могу понять, это очередная его шутка или он действительно думает, что она может мне понравиться.

Мы прилетели сюда, к голубым небесам и пронизывающему холодному ветру, двадцать восьмого числа. Насладились запоздалым рождественским ужином с Агнес и Мейбл, с последней свежевывловленной Мейбл курицей из курятника Уиттаморов и метровой елкой в горшке, приобретенной на субботнем рынке. Агнес сказала, что весной планирует высадить ее у себя на заднем дворе. А когда открыла громоздкую коробку и поняла, что в ней, каменное лицо Джоны никак не выдало его чувств, а я изо всех сил старалась выглядеть любезной, натягивая куртку. Уж не знаю, купился ли он, но с тех пор прошло уже четыре дня, а он так ни разу и не упомянул об этом.

– Не пойми меня неправильно, я *ценю* этот подарок, особенно от парня, который покупает себе одежду в местном продуктовом.

Именно поэтому моим подарком ему стали темные дизайнерские джинсы-трубы, которые не провисают на его заднице, и несколько ультрамягких футболок без какого-либо намека на клетку. Я потратила несколько дней в поисках идеальных подарков для Джоны, предварительно поручив Мейбл выяснить размеры его шеи и талии. И это, безусловно, самые красивые вещи в его шкафу.

– Полагаю, это практично, учитывая, что я живу на Аляске. И она выглядит ничего *для охотничьей куртки*, – хихикаю я. – А еще он подарил мне детскую книжку о защите дикой природы. А Мейбл и Агнес купили мне защитную куртку от комаров, аэрозоль для отпугивания медведей и колокольчик, чтобы я могла ходить на пробежки.

После дня, проведенного на острове Кадык с Джоной и моим отцом, и увиденных там гризли, свободно разгуливающих по реке, бегать там, где есть риск столкнуться с одним из них, я больше не собираюсь.

– Я распечатала Агнес календарь на двенадцать месяцев с йети, чтобы она повесила его в холле «Дикой Аляски». Фотография, где Джона рубит дрова возле лесной хижины, тоже там. Я даже попросила кое-кого придумать логотип с надписью: «Йети». В качестве шутки, но получилось довольно неплохо. Мы пытаемся убедить его назвать так новую charterную компанию, но он упрямится. Но это звучит, а? «Йети». Ты уже забронировал себе полет в «Йети»? Думаю, это запоминающееся название. И Агнес со мной согласна. В общем, посоветовала ей повесить календарь уже после нашего переезда, чтобы Джона не смог его снять и спрятать.

Улыбаюсь, вспоминая выражение лица Джоны, когда Агнес открыла этот подарок, словно он был не уверен, чего ему хочется больше – поцеловать меня или задушить.

– Ты бы видел его, пап. Наверняка посмеялся бы.

Тем мягким мелодичным хихиканьем, которое возвращает меня к междугородним телефонным разговорам моего детства.

Внутри меня разгорается еще одна безудержная вспышка эмоций, и я сглатываю несколько раз, пытаюсь сдержать слезы.

Поглубже закутываюсь в свою куртку – рождественский подарок Саймона, – когда на пустынной дороге появляется знакомый черный пикап, который медленно прокрадывается к воротам кладбища и останавливается там. Водитель выпрыгивает наружу, и его сапоги до колен со стуком касаются земли. Лицо человека скрыто от посторонних глаз капюшоном. Но мне не нужно видеть лицо, чтобы узнать маленькую фигурку, приближающуюся к крестам неторопливым шагом.

Я смотрю, как Агнес сворачивает в дальний левый угол, туда, где похоронен ее покойный муж – отец Мейбл, погибший в авиакатастрофе еще до рождения дочери.

Каково это должно быть для Агнес – навещать в этот Новый год не одного, а сразу двух мужчин, которых она любила? И все это всего в сорок три года.

– Ты знаешь, что Агнес продала свой грузовик тому твоему старому бухгалтеру? С тех пор она водит твою машину. Джона очень разозлился. Он никак не поймет, почему она так

поступила. Наверное, ему приходится тяжелее, чем ей. – Я грустно улыбаюсь. – Хотя я могу ее понять. Он пахнет тобой.

Старой выцветшей тканью, с годами пропитанной табачным дымом.

Вчера обнаружила себя сидящей в нем, охваченной ностальгией по тому первому утру на Аляске, когда я застряла в доме и была вынуждена пробираться по болотистой растительности в своих замшевых семисантиметровых танкетках, чтобы попросить Джону подбросить меня до города.

– Я получаю водительские права. Мне нужно еще немного повозиться с теорией, но как только закончу, пойду сдавать письменный экзамен, а потом Джона поможет мне подготовиться к практическому тесту. Я получу их к нашему переезду в Анкоридж или сразу после него, и уже тогда куплю себе машину.

Адвокаты предполагают, что оформление документов на наследство моего отца завершится только через несколько месяцев, и тогда у меня будет достаточно средств, чтобы купить себе все, что я захочу, на деньги, вырученные от продажи «Дикой Аляски».

– Джона настаивает на грузовике. Мы поссорились после того, как я сказала, что присматриваюсь к «Мини Куперу». Этот йети до сих пор присылает мне всякие *жуткие* фотографии автокатастроф от столкновения с лосями. – Качаю головой. – Но не волнуйся. Независимо от того, что куплю, уверена, Джона внимательно проследит за тем, чтобы я освоилась за рулем.

При приближении Агнес снег под ее сапогами хрустит. В обтянутом перчаткой кулаке она держит букетик бледно-розовых шелковых лилий калла, чтобы пополнить запас тех, что оказались под снегом. Это были любимые цветы моего отца, как признался мне он однажды тихим вечером, в те последние свои недели, когда пытался научить меня играть в шашки.

– С Новым годом! – Ее приветствие звучит с акцентом, который, как я теперь уже знаю, характерен для уроженцев Аляски, особенно этой части штата. Мой отец говорил так же медленно и непринужденно, по-простому. – Хороший денек, чтобы навестить Рена.

– Правда, кажется, моя задница все равно примерзла, – шучу я, хотя облегчающие черные лыжные штаны, которые надела вместе с термобельем, обеспечивают вполне достойную защиту.

– А как ноги?

Шевелю пальцами ног в своих новых белых зимних ботинках – «кроличьих сапожках». Так их здесь называют. Это еще один подарок от Агнес, и, по-видимому, обязательная вещь для любого жителя Аляски, выдерживающая температуры до минус пятидесяти градусов по Цельсию.

– Вспотели.

Сейчас не настолько холодно, чтобы пускаться в ход всю артиллерию, но мне очень хотелось их испытать.

– Это хорошо. – Агнес приседает перед могилой моего отца, и ее мудрые, почти черные глаза долго взирают на крест. Она кивает в сторону самолетика, который я поставила рядом, когда пришла. – Миленький.

– Он показался мне похожим на Веронику. Подумала, что папе понравилось бы.

Купила его по Интернету и написала на его брюхе имя и даты жизни моего отца.

– Да. Думаю, ему бы понравилось. – Агнес кладет шелковые цветы по другую сторону и возится с ними до тех пор, пока все они не оказываются в вертикальном положении. – Это снегоход Джоны припаркован за оградой?

Мой взгляд устремляется на желто-черный Ski-Doo, который оставила в поле, за забором.

– Ага. Он научил меня водить его, так что теперь я могу самостоятельно передвигаться по городу.

– Посмотри на себя, – усмехается Агнес, сверкая слегка кривоватыми зубами. – Ты быстро осваиваешься здесь.

Если бы меня спросили год назад – да что там, даже полгода назад, – что буду делать на Новый год, то ни за что не предположила бы, что буду гонять по заснеженным равнинам Западной Аляски без сопровождения.

– Это гораздо веселее, чем думала, – признаюсь я. – И быстрее.

Мне пришлось сбрасывать скорость, поскольку неприкрытые щеки жгло холодным ветром.

– Так и есть. Но тебе лучше держаться подальше от реки, – предупреждает Агнес.

– Я уже прослушала лекцию об этом от Джоны.

Вчера мы провели полдня на реке Кускоквим, где он показывал мне отметки маршрутов, коим нужно следовать, и где в ноябре прошлого года поисково-спасательная служба выловила с помощью веревок и крюков тело того, кто решил «погонять по льду» – совершенно идиотская идея, которую я до сих не могу понять.

– Да, Джона беспокоится обо всех, кроме себя. – Агнес упирается руками в колени и медленно поднимается на ноги. – Где он сегодня, кстати?

– Хороший вопрос. Он уехал еще до обеда, сказав, что должен завезти кое-какие припасы в деревню.

Ее круглое лицо хмурится.

– Это обычное дело – заниматься поставками в праздники?

Агнес щурится, глядя в ярко-голубое небо. Солнце сегодня сядет без четверти пять, что совпадает с показателями Торонто, однако вошло оно здесь только в одиннадцать. Эти длинные темные утра – новая реальность, к которой мне придется привыкать. Уже предвижу, что предстоящие зимние месяцы буду отсыпаться.

– Кто вообще может сказать, что для него обычное дело? Но я уверена: что бы это ни было, у него были веские причины. – Она ободряюще улыбается мне. – Что вы планируете на ужин сегодня?

– Полагаю, оставшийся суп, – полушутя отвечаю я, заранее зная, что Джона скажет, что суп – это *не* ужин и что Агнес собирается пригласить нас к себе, как она делает это каждый вечер с тех пор, как я приехала.

Мы вернулись к тому же ритму, которого придерживались последние недели жизни моего отца, собираясь то в одном, то в другом доме, как и подобает обычной семье.

– У меня в духовке запекается лосятина, если вы вдруг захотите зайти попозже. Тебе понравится. На вкус как говядина, – заверяет она. – Джона обожает ее.

– Что же нам делать, когда мы перестанем жить через дорогу от тебя, Агнес? Как мы будем выживать? Значит ли это, что мне придется научиться готовить самой?

Это шутка, но я не упускаю мимолетную печаль, мелькнувшую в глазах Агнес, прежде чем эта эмоция исчезает, сменяясь чем-то другим, чем-то неразборчивым. Агнес смахивает снежную крупу с креста моего отца.

– У вас все будет хорошо, пока вы заодно.

– Думаю, до сих пор у нас неплохо получалось. Мы через многое прошли.

С того дня, как я узнала, что мой больной раком отец отказался от лечения, мы с Джоной все время держались бок о бок, переживая боль и душевные терзания, принимая трудные решения и поддерживая друг друга. Он был моей опорой – твердой и непоколебимой.

– Да... – В голосе Агнес ощущается сомнение, а ее взгляд блуждает где-то вдалеке.

И я предчувствую какое-то «но». Однако она никогда не была из тех, кто говорит «но». Она всегда остается ненавязчивым слушателем, тем добрым и поддерживающим голосом, который неизменно держит свое мнение при себе. То, что одно из таких «но» почти срывается с кончика ее языка, внушает тревогу.

– Вы подходите друг другу. Рен сразу это сказал.

– Правда? – Я улыбаюсь, несмотря на повисшую зловещую атмосферу.

Мой отец как-то намекал на то, что мы с Джоной могли бы сойтись. Он делал это деликатно и никогда не давил, а мы с йети в то время были готовы практически вцепиться в глотки друг другу.

– Конечно. Мы оба хотели этого или, по крайней мере, надеялись. И сейчас, наверное, все это кажется немного сумбурным. Джона, удививший тебя в Торонто. Ты, примчавшаяся сюда, чтобы быть вместе с ним. Все так интересно, свежо и ново. Все эти возможности и большие планы. – Ее легкая улыбка задерживается еще на секунду, а затем гаснет, так же быстро, как и появилась. – Но со временем дни начнут казаться длиннее, спокойнее. Вы можете обнаружить, что теперь уже не так сильно жаждете узнать, что ждет вас там, впереди.

– То есть, в принципе, это ничем не отличается от моей жизни до приезда сюда? – Я выдавливаю слабый смешок.

Мои месяцы жизни в Торонто после смерти отца и расставания с Джоной не были ни энергичными, ни вдохновляющими. Большую часть времени я проводила в попытках исцелиться, вернувшись к бездумной, но хорошо отработанной рутине занятий в спортзале, шопинга и посиделок в баре с друзьями, которые внезапно стали мне казаться пустыми и неинтересными. Я перебирала объявления о вакансиях и обсуждала карьеру с хедхантерами, однако меня не привлекло ни одно из их предложений: идея вернуться на работу с девяти до пяти, втискиваться в вагоны метро, целыми днями пялиться в электронные таблицы была для меня перспективой, рвущей душу на части.

Мама и Саймон уверяли меня в том, что причиной отсутствия направленности и мотивации стало то внушительное наследство, которое вскоре получу. И я была согласна с ними. Частично. Но также ощущала и некий тектонический сдвиг где-то глубоко внутри себя. Мое пребывание на Аляске изменило меня – в той степени, которую не могла точно сформулировать, но и игнорировать которую тоже не могла. Та, кем я была, и та, кем я стала после, – это были уже два разных человека.

А потом я обнаружила на крыльце своего дома Джону, предлагавшего мне переехать на Аляску, и снова ощутила, как движутся эти плиты. И на этот раз, кажется, моя жизнь встала на свое место.

Агнес поджимает губы, словно пытаюсь сдержать слова.

– Просто скажи то, что хочешь сказать. Пожалуйста.

Она вздыхает.

– Просто приехать за Джоной на Аляску, пока он летает на своих самолетах туда-сюда, может быть недостаточно. Не такой девушке, как ты, Калла. *Просто любить* его будет тебе мало. Это не продлится вечно. – Агнес улыбается, словно смягчая удар своего предупреждения.

Мой желудок сжимается. Я ожидала подобного от своей матери и, чуть в меньшей степени, от Саймона. Но не от Агнес. Может быть, поэтому я не могу так легко отмахнуться от ее слов, словно от цитатки из стандартного воспитательного пособия.

– Чего же тогда будет достаточно?

Потому что я больше не представляю свою жизнь без Джоны.

Пока Агнес обдумывает ответ, проходит несколько секунд. Уголки ее глаз морщатся от раздумий.

– Найди *свое собственное* место здесь. Что-то, что станет целью для тебя – Каллы Флетчер. Что-то *твое*. – Она медленно кивает, словно соглашаясь с собственным ответом. – Найди это, а затем посвети этому жизнь.

Я слышу то, что Агнес не нужно говорить вслух. Мои родители были безумно влюблены друг в друга той любовью, которая впивается зубами и не отпускает, даже несмотря на десятилетия разлуки. Но у них ничего не вышло. Если пойду по стопам матери, которая двадцать семь лет назад, забеременев, разочаровалась в совместной жизни с пилотом в диких краях Аляски,

сосредоточившись на всем том, что не было ей близко, то независимо от того, насколько сильно мы с Джоной любим друг друга, долго здесь не протяну.

Но мы с Джоной – не мои родители. Мы уже доказали это. Джона доказал.

Знаю, что Агнес наблюдает за мной, а потому улыбаюсь, когда говорю:

– Очень хочу открыть с ним эту чартерную компанию.

Быть может, я и самоучка в создании веб-сайтов, но что касается маркетинга, то здесь у меня есть нюх, и я с нетерпением жду, когда научусь всему остальному, что от меня требуется.

– К тому же он согласился переехать, если на Аляске у меня не сложится.

Джона сказал, что ему все равно, где он будет, лишь бы рядом со мной. Что ему не нужна Аляска, если меня здесь нет. Я «разрушила Аляску» для него. В этом и заключается главное отличие Джоны от моего отца.

– Звучит... хорошо. – Взгляд Агнес устремляется вдаль, словно она желает скрыть свои мысли или сомнения, которые могут выдать ее глаза. – Ну, мне лучше вернуться к духовке, а то Мейбл, скорее всего, передержит мясо.

Ощущаю, что у нее остались еще соображения по этому поводу, но, как это обычно и бывает с Агнес, она не упорствует и не настаивает, если не чувствует, что будет услышана. Может быть, именно это и делает ее мнение таким ценным.

Вполне вероятно, именно поэтому я и предпочла *не* знать, что еще она может сказать по этому вопросу.

– Увидимся где-то в пять? – уточняю я.

– Можешь сделать картофельное пюре. Никогда не любила с ним возиться. – Агнес подмигивает. – Не сиди на холоде долго.

Молча похлопав по отцовскому кресту одну... две... три секунды, она разворачивается и тащится обратно к грузовику.

Оставляя меня на кладбище снова одну.

– Ты ведь знаешь, что оставил огромную дыру в нашей жизни? – Приносит ли это утешение людям в загробном мире, знать, что их так не хватает тут? – Это не плохо, но она в каждом из нас.

Особенно в Мейбл. На смену кипучей, энергичной двенадцатилетней девчонке, которая врывалась на кухню и говорила торопливыми и несвязными предложениями, появилось более сдержанное и временами угрюмое существо. Агнес винит в поведении Мейбл бушующие гормоны, но не думаю, что кто-либо из нас действительно верит, что дело только в этом.

Я задерживаюсь на кладбище еще на полчаса или около того, пока мои руки не начинают неметь, щеки колотить, а предупреждение Агнес не пускает в глубинах моего сознания корни. Я болтаю обо всем подряд, закрыв глаза, и пытаюсь вспомнить тихий смех Рена Флетчера.

И с ужасом жду того дня, когда он сотрется из моей памяти.

* * *

Когда проезжаю мимо зеленого «Форда Эскейп» Джоны, из трубы дома в холодный морозный воздух вырываются клубы дыма. Я паркую Ski-Doo Джоны – или теперь уже наш? – внутри ветхого металлического сарая, спешу по дорожке, которую Джона расчистил лопатой сегодня утром, к крыльцу и стряхиваю снег с ботинок, перед тем как войти внутрь.

На линолеумном полу меня ждет подтаявшее коричневое месиво, оставшееся после прихода Джоны.

– Нам нужна прихожая! – Я с трудом стаскиваю сапоги, опираясь на стену и столик, чтобы сохранить равновесие. – И стул, на который можно присесть!

– И куда мы его поставим? – спрашивает Джона из гостиной.

– Я имею в виду в нашем новом доме.

Делаю большой шаг, чтобы не наступить в лужу, но безуспешно. Своя шерстяной носок тут же просачивается холодная вода, и я морщусь.

– Тебе просто нужны тапки.

Поднимаю глаза и вижу Джону со сложенными на груди руками, прислонившегося к дверному косяку кухни. Мой живот скручивается, как это всегда бывает, когда Джона входит в комнату. Я бросаю шапку и перчатки в подвесную корзину и стряхиваю с плеч громоздкое зимнее пальто, чтобы повесить его на один из двух крючков у двери. Моя новая куртка справилась со своей задачей, оставив тонкий слой пота между огромным слоем моей одежды и кожей, даже несмотря на то, что конечности у меня холодные.

– Когда ты вернулся? – спрашиваю я, сжимая и разжимая кулаки, чтобы согреть покрасневшие пальцы.

– Двадцать минут назад. Ты была на кладбище?

– Ага. – Вытряхиваюсь из своих лыжных штанов. – Видела Агнес.

– Во сколько ужин?

Я улыбаюсь.

– Сказала быть к пяти. Она готовит лосятину.

– Ну наконец-то! – вздыхает Джона. – Джордж поделился с ней этим мясом еще несколько недель назад. Все гадал, когда же она достанет его из морозилки.

Качаю головой и смеюсь.

– Ты так же несносен, как и мой отец, – ждешь, когда тебя кто-то накормит.

– Я так же *умен*, как Рен, – поправляет Джона. Его губы изгибаются в задумчивой улыбке. – Знаешь, тебе стоит взять у Агги несколько уроков по приготовлению лосятины. И оленины. Слышал, их не так-то просто готовить.

– *Сам* возьми парочку уроков. Я же сказала, что не буду разделять или готовить то, что ты пристрелил.

Снимаю мокрый носок и вытираю влажную ступню о надетый.

– А что насчет того, что пристрелишь *ты*? – бросает Джона в ответ, не упуская ни единой возможности, и в его голосе появляется игривая нотка.

Я подхожу к нему и прижимаюсь своей маленькой фигуркой к его мощной груди, ожидая, когда он заключит меня в объятия.

– Насколько я знаю, мясо в продуктовом магазине уже мертвое. Даже на Аляске.

Джона замирает на мгновение, а затем притягивает меня к себе, наклоняясь, чтобы поцеловать сначала в губы, а затем вдоль линии челюсти.

– Тебе *придется* научиться стрелять из ружья, Калла.

– Зачем мне это, когда у меня есть *ты*? – возражаю я, волоча ноги с шутилкой неохотой, пока он увлекает нас в гостиную, шагая спиной вперед, к дивану.

– Для безопасности.

– Я с ружьем – это противоположность безопасности.

– *Для меня*, вероятно, нет. – Опустившись на диван, Джона усаживает меня к себе на колени лицом к нему, прижимая мои бедра к своим. Убирает мои волосы с плеч и накрывает мой затылок рукой. – Закрой глаза.

– Зачем это? – спрашиваю я, прищуриваясь и пытаюсь разгадать его намерения.

Как однажды выразилась Агнес, Джона иногда любит поиграть в детские игры. Никогда не забуду, как он всерьез заставил меня поверить, будто отрезал мои волосы в отместку за то, что я ночью подстригла его бороду. Поэтому я не могу не задаться вопросом, что же за игру затеял он сейчас.

– Боже, ты издеваешься надо мной? Уступи хотя бы раз. *Пожалуйста*.

Нетерпение в его тоне убеждает меня согласиться. Я прикусываю нижнюю губу в напряженном ожидании того, что он там задумал, стараясь не подглядывать, когда слышу хруст разворачивающейся упаковочной бумаги.

Огрубевшие пальцы скользят по моей шее, с чем-то возясь. Ощущаю на коже прохладную цепочку и что-то тяжелое, оседающее на груди. Джона расправляет ее мимолетным прикосновением.

– Вот. Теперь можешь открыть глаза.

– Что это? – спрашиваю я, протягивая руку к вещице. Поднимаю кулон на свет, и мои пальцы нащупывают прохладный металл. На цепочке, сверкая полировкой, висит изящный самолетик из белого золота.

– Это твой настоящий рождественский подарок. Парень, который его делал, потратил чуть больше времени, чем планировалось.

– О боже... он...

Этот самолетик выполнен чрезвычайно точно и содержит самые мельчайшие детали, вплоть до окон, дверей, лопастей пропеллера и колес. Крошечные крылья, подмигивая мне, когда их грани ловят послеполуденный солнечный свет, проникающий в гостиную через эркерное окно, покрывают маленькие бриллианты.

Но мое внимание приковывает крошечная деталь на хвосте – миниатюрная копия логотипа «Дикой Аляски». И меня тут же захлестывают эмоции.

– Он прекрасен.

– Будешь его носить?

– Да! Непременно.

Буду носить его с гордостью.

– Получше, чем та охотничья куртка, которую ты возненавидела? – Джону выдают уголки его рта.

– Так это была шутка?

– Конечно, это была шутка, – ухмыляется он. – И она того стоила. Ты такая дерьмовая актриса.

– Боже, *какой* же ты иногда придурок.

Выпускаю из рук кулон, чтобы с силой стукнуть Джону в грудь. Чувствую вибрацию его негромкого смеха на кончиках пальцев, пока его руки ложатся на мои бедра, согревая тело даже сквозь два слоя одежды.

– Спасибо тебе, – уже с раскаянием произношу я. – Он просто великолепен, Джона. Правда. Это самое красивое украшение, которое у меня есть.

Не стоит удивляться. У Джона всегда был отличный вкус – в этом убедилась, когда впервые вошла в его дом. Тогда ожидала увидеть унылую холостяцкую берлогу с валяющимися повсюду обглоданными свинными ребрышками и пустыми банками из-под пива.

Он глубоко вздыхает, его улыбка исчезает.

– Но я не могу взять на себя всю ответственность за него. – Джона держит маленький золотой самолетик между большим и указательным пальцами. – Этот кулон не только от меня.

Его бледно-голубые глаза поднимаются вверх и встречаются с моими. Он сглатывает.

– Примерно за неделю до своей смерти Рен попросил меня связаться с его другом в Номе. Комок в моем горле раздувается.

– Он хотел, чтобы у тебя было что-то на память о нем. Что-то, что ты сможешь открыть в рождественское утро. – Джона откашливается. – Какое-то время Рен надеялся, что доживет до него.

Я зажимаю рот рукой, чтобы заглушить рыдания. Мои глаза затуманивают слезы, стекающие по щекам горячей ровной дорожкой. Со дня папиной смерти прошло уже несколько месяцев, но сейчас мне снова кажется, что он умер только вчера.

Джона слегка напрягается.

– Он был чертовски настроен подарить тебе что-то, что ты захочешь носить. Я никогда не видел его таким решительным прежде. Рен знал, какая ты, какую одежду носишь и так далее. В общем, самолет был его идеей. – Наконец глаза Джоны снова встречаются с моими глазами, и я замечаю в них влажный блеск, а в голосе – осиплость. – А я попросил добавить бриллианты, потому что знаю, как ты любишь все блестящее.

Мне требуется мгновение, чтобы подобрать ответ, а когда я его все же нахожу, он звучит едва слышным шепотом.

– Это самая совершенная вещь, которую мне когда-либо дарили. Больше никогда его не сниму. *Никогда.*

Джона кивает, а затем привлекает меня к себе, и его волосатое лицо щекочет мою шею, пока я плачу.

Глава 6

Тяжелый стук ботинок на ступенях крыльца возвещает о возвращении Джоны за мгновение до того, как дверь кухни со скрипом открывается. Я украдкой бросаю взгляд на часы, и мое сердце начинает учащенно биться. Сейчас уже почти девять вечера. Джона должен был вернуться домой несколько часов назад.

– Калла? – разносится его глубокий хрипловатый голос по тревожно тихому дому.

Это одно из самых неприятных различий между домами здесь и в Торонто. Дома я бы лежала в постели под звуки клаксонов и скрежета металла о тротуар, пока снегоуборочные машины расчищают улицы. Здесь же, в этом маленьком домике, окруженном огромным количеством ничем не занятой земли, не слышно ничего, кроме странного и периодически дребезжащего гула холодильника. Днем, чтобы заглушить эту тишину, оставляю включенным телевизор.

– Я в спальне, – кричу в ответ, нажимая кнопку «сохранить» в своем ноутбуке.

Под тяжелыми шагами Джоны стонут половицы. Он огибает угол, и дверной проем заполняют его широкие плечи; его пепельно-русые волосы стоят дыбом, взъерошенные, после целого дня, проведенного под вязаной шапкой. Я бы рассмеялась, если бы он не выглядел таким усталым.

– Прости. Я остался, чтобы помочь прикрыть самолеты.

Даже его голос звучит измученно. Он стряхивает с себя кофту и бросает ее на комод. Под ней оказывается один из свитеров, что я ему привезла, – он связан из шерсти цвета лазури и делает голубые глаза Джоны еще ярче. К тому же прекрасно облегает его грудь и ключицы.

– Те ублюдки из Сент-Мэриса весьма дерьмово отремонтировали ангар летом. Эта чертова крыша готова обрушиться в любой момент. Мне пришлось встречаться со страховой компанией и улаживать этот вопрос, а потом еще объяснять все Говарду.

– Это тот ангар с протекающей крышей, на который мой отец жаловался летом?

– Ага.

Джона с тяжелым вздохом откидывается на спинку кровати и трет глаза, потом бороду. С тех пор как я приехала сюда три недели назад, она отросла – уже достаточно, чтобы ее подстричь и уложить.

– Не могу дождаться, когда покончу со всей этой ерундой в «Аро».

Я тоже.

От него веет холодом, и я зарываюсь поглубже в свой уютный кокон.

– Ты ведь в курсе, что можешь бросить все хоть завтра, если захочешь?

Джона не подписывал никаких контрактов с «Аро».

Он решительно мотает головой из стороны в сторону.

– Я сказал, что останусь до конца января, и не нарушу своего слова.

Ну разумеется. Джона всегда держит свои обещания. Даже в ущерб себе, как однажды подметил мой отец.

– Ладно. Значит, еще две недели. Совсем немного.

– А потом я официально стану безработным.

– Добро пожаловать в клуб. По средам мы носим розовое.

У меня не получается скрыть восторг от мысли, что совсем скоро Джона будет только моим и на сто процентов сосредоточится на открытии новой чартерной компании.

– Розовое? – Он непонимающе хмурит брови.

– Это фраза из «Дрянных девчонок». Фильм такой. Забей. – У Джоны не было телевизора, пока я не переехала к нему. – И ты не будешь безработным. Ты будешь работать на себя. Это другое.

– Да, полагаю, что так... – Он улыбается. – Я и вспомнить не могу, когда у меня не было начальника, указывающего мне, что делать.

Я начинаю хохотать.

– А ты *когда-нибудь* делал то, что тебе *указывали*?

По словам моего отца, Джона был молодым и полным энтузиазма бунтарем, когда появился в «Дикой Аляске» десять лет назад, и, как выяснилось, упрямым, как черт. Однако он быстро стал незаменимой частью команды и правой рукой моего отца. Из того, что я наблюдала летом, можно было подумать, что это он управляет компанией, а не тихий и неприметный Рен Флетчер.

– Иногда. Когда я согласен с этими указаниями.

Джона протягивает руку, чтобы взять мой подбородок большим и указательным пальцами, и притягивает мое лицо к себе, чтобы украсть медленный и долгий поцелуй. Из его груди вырывается негромкий стон.

– И я хотел сделать *это* весь чертов день.

Не могу сдержать лучезарной улыбки – это моя мгновенная реакция на каждый момент, когда Джона говорит что-нибудь даже полуромантическое, что случается куда чаще, чем я ожидала, хотя обычно это происходит в свойственной ему шутливой форме.

– В холодильнике стоит тарелка спагетти. Приготовленная лично мной.

Моя лучшая подруга Диана в отчаянных попытках сохранить мое присутствие в нашем совместном блоге «Калла и Ди» даже придумала новую рубрику под названием «Калла учится готовить». Не самая плохая идея, учитывая, что зимние дни здесь тянутся бесконечно, в Бангоре нет доставки, а рассчитывать на то, что Агнес будет кормить нас вечно, мы не можем.

Брови Джоны изгибаются в сомнении.

– С консервированным соусом, – поправляюсь я, краснея. – Но *путь* в город, чтобы купить эту банку по завышенной цене, я проделала самостоятельно.

Это представляет примерно такой же интерес, как и блюда, что я готовлю, однако Ди уверена, что фотографии, на которых я еду за продуктами на Ski-Doo, просто уморительны.

– Спасибо. Я скоро поем. – Джона кивает в сторону ноутбука, открытого у меня на коленях. – Что сегодня делала?

– Целую кучу *важных* дел, – с насмешливой серьезностью отвечаю я.

С начала года прошло уже две недели, и у нас установился определенный распорядок дня: Джона уходит в «Аро» задолго до рассвета, а я делаю перерывы в своей работе за компьютером, чтобы подкинуть в печь дров, которые заранее наколот Джона. Всю прошлую неделю занималась дизайном сайта для нашей чартерной авиакомпании, и теперь, как только Джона перестанет спорить о том, что «Йети» – это идеальное название, сайт будет полностью готов к запуску.

На этой неделе я мониторию недвижимость и прохожу краткий курс по бизнес-операциям у Агнес, которая уже много лет, по сути, ведет все административные вопросы «Дикой Аляски». Я сделала множество заметок о морских милях, базовом жаргоне пилотов, радиочастотах, топографических картах и маршрутах полетов. И это всего лишь царапина на поверхности увлекательного мира маленьких самолетов, как пообещала Агнес.

Я кликаю на одну из множества открытых вкладок веб-браузера, чтобы показать Джоне объявления о продаже домов. В это время года их не слишком много.

– Что думаешь об Игл-Ривер?

– Игл-Ривер? – эхом отзывается Джона.

– Двадцать пять километров к северо-востоку от Анкориджа. В девятнадцати минутах езды. Там имеется аэропорт и вся необходимая инфраструктура. Даже «Волмарт». И, смотри, там есть несколько симпатичных домиков на продажу.

К моему удивлению, это оказались новые современные здания с высокими потолками, плиточными полами и столешницами из кориана – всем тем, о чем я никогда не задумывалась прежде, чем начала присматривать жилье.

– Взгляни на этот. Здесь двухместный гараж и восхитительный вид из окна кухни на горы. Или этот... – Перехожу к другому дому, через несколько улиц, и показываю Джоне фотографии.

– Какой там участок?

Прокручиваю курсор вниз, чтобы открыть детали.

– Полгектара? – смеется Джона. – Это практически ничего, детка.

Я хмурюсь.

– Но взгляни на фото. Он далеко простирается.

– А как быть с самолетами?

– Аэропорт всего в пяти минутах езды. Видишь? – Я масштабирую карту. – До него столько же, сколько отсюда ехать до «Дикой Аляски».

Джона переворачивается на спину, и его взгляд устремляется на потолочные плитки над нами.

– Мне бы хотелось иметь свой собственный аэродром.

– Что ты имеешь в виду? Частный аэропорт?

– Не-а. Просто взлетно-посадочную полосу. Гравийную дорогу на моей собственной земле с ангаром для самолетов, чтобы я мог прилетать и улетать, когда захочу, и не иметь никаких дел со всем этим дерьмом, связанным с общественными аэропортами. Чтобы никто не указывал мне, что делать.

– А такие места вообще существуют?

– На Аляске? Конечно. Если у тебя имеется достаточно земли.

Я уже заранее знаю, что ни в одном из просмотренных мной объявлений нет такого участка, которого будет достаточно для посадки самолета.

– Сколько будет стоить нечто подобное?

– В окрестностях Анкориджа? – Джона вздыхает. – Дорого.

– Ну... мы можем снять жилье и подкопить достаточную сумму, разве нет?

– Я же сказал тебе, Калла, я не хочу платить за кого-то его ипотеку, когда мы можем позволить себе приобрести свое жилье. А ты?

– Нет, но...

Саймон тоже теперь в команде «сначала аренда, а покупка – когда будешь уверена в Аляске и Джоне на все сто» по настоянию моей матери или потому, что он чувствует себя обязанным предупредить меня.

Как бы то ни было, отмахнуться от его советов куда сложнее, чем от советов мамы.

Однако в этом году мне исполняется двадцать семь. Не пора ли уже перестать позволять им так сильно влиять на мои решения?

Особенно раз у Джоны нет ни капли сомнений касательно нас.

Мне тоже не стоит сомневаться, понимаю я, потому что как у нас может все получиться, если постоянно строю запасные планы на случай, если все пойдет *не так*?

– Нет, думаю, я тоже за покупку. – Начинаю рассматривать альтернативные варианты. – Быть может, мы переедем в дом с участком побольше через несколько лет, после того как откроется «Йети»?

Джона бросает на меня суровый взгляд.

– Мы не станем брать это название.

– Еще посмотрим... – передразниваю я нараспев, закрывая вкладку и готовясь к тому, что сейчас Джона начнет меня раздевать. Это уже стало его привычкой: через пять минут после

того, как его тело касается матраса, независимо от того, насколько длинным был его день, я оказываюсь голой.

Моя кровь заранее бурлит от предвкушения.

Но он пока не двигается.

– У Агги сегодня был очень интересный разговор с Барри.

Мне требуется мгновение, чтобы связать все воедино.

– Того фермера?

– Ага. Он хочет купить наши дома. Этот и дом Рена.

– Правда?

У них ведь и так есть хороший двухэтажный дом.

– Его бизнес процветает, и он хочет увеличить территорию для посевов.

– Это хорошо, да? Мы же боялись, что продажа займет целую вечность.

– Ему нужна только земля, Калла. Он демонтирует дома.

Мне снова требуется время, чтобы сообразить.

– Ты имеешь в виду *снесет*?

– Ага. – Я чувствую на себе пристальный взгляд Джоны. – Что ты об этом думаешь?

Дома, где десятилетиями жили мой отец, бабушка и дедушка, где любили друг друга мои мать и отец и где жила я; место, которое все еще носит на себе цветы, нарисованные маминной рукой почти двадцать семь лет назад. Эти два простых модульных дома в этом холодном просторе тундры – один мшисто-зеленый, а другой маслянисто-желтый, – которые ничего не значили для меня, когда я впервые увидела их, теперь ощущаются словно потерянное детство, каким-то образом обретенное заново.

А Барри Уиттамор хочет их снести?

Имею ли я право вообще расстраиваться? Ведь мы с Джоной уезжаем из Бангора, чтобы начать жизнь в другом месте.

– Честно говоря, я не знаю, что думать. А что думаешь *ты*?

Джона закусывает нижнюю губу в раздумье. Проходит мгновение, прежде чем он отвечает.

– Если мы переезжаем, мне здесь делать нечего. И все же... я всегда думал, что здесь будет жить какая-то другая семья.

– Точно. А Агнес? Что она думает?

Он фыркает.

– Само собой, *ей* эта идея не понравилась. Эта чертова женщина разъезжает в дерьмовом битом грузовике Рена с лысой резиной только потому, что ее гложет ностальгия. Однако нужды заботиться сразу о двух домах ей нет. Она сказала Барри, что он должен сдать эти дома в аренду и сделать грядки вокруг них. Он ответил, что не против. И продать дома Барри было бы разумным решением. Иначе кто знает, как долго еще мы будем продавать их. Да еще и тому, кто купит их не для сноса.

– Согласна.

Я жду, когда он продолжит, предчувствуя какое-то «но».

Джона пожимает плечами.

– Это кажется мне чем-то неправильным, понимаешь? Рена больше нет, «Дикой Аляски» тоже. А теперь не станет даже его дома. Словно память о нем стирается.

И я понимаю, что он хочет сказать. Папа говорил, что на Аляске для меня всегда будет дом, но технически теперь это неправда.

Молчание затягивается, и я слежу за борьбой на лице Джоны – его челюсть напряжена, а глаза обводят линии потолочной плитки так, будто это мой отец собственными руками выложил ее здесь. О чем он на самом деле меня спрашивает?

Возможно, он просит моего разрешения позволить кому-то перекроить историю моей семьи?

– А что бы сказал папа, если бы он был здесь?

Я ненавижу то, что не знаю этого, потому что не очень хорошо знала его.

Но Джона знал. Мой отец был для него отцом больше, чем когда-либо был им для меня. Джона задумывается на мгновение, а затем его губы искривляет медленная улыбка.

– Он бы спросил, не его ли это карма за отказ есть брокколи и морковку. Что-то в этом роде.

И я смеюсь, потому что почти представляю, как мой отец стоит на пороге гостиной, чешет подбородок и хмурит свои обветренные брови, в раздумье произнося именно эти слова.

Улыбка Джона становится тоскливой.

– Но потом он сказал бы нам продавать. Что это всего лишь дом. Что не нужно повторять его ошибок, связывая себя обязательствами за счет людей, которых мы любим.

Я киваю в знак согласия. Джона прав. Мой отец продал «Дикую Аляску» – пятидесяти-четырёхлетнее наследие нашей семьи – именно потому, что всем нам пришлось двигаться дальше. Дом рядом с нами – это просто куча стен, крыша и двести сорок четыре кряквы с нарисованными от руки сосками. Семьи Флетчер больше нет.

– Тогда вот и ответ. Эти дома нужно продать Барри.

Джона медленно кивает.

– Думаю, пришло время заняться поиском дома всерьез. Что еще тебе попадалось? – Он просматривает открытые вкладки на моем ноутбуке и замирает, хмурия брови. – Ты хочешь жить на ферме?

– Нет. Я просто подписалась на этот аккаунт, – признаюсь я, прокручивая красивую подборку фотографий.

С тех пор как я приняла решение переехать сюда, начала искать вдохновение в блогах, посвященных разным образам жизни, особенно в сельской местности.

– Девушка, которая его ведет, – дизайнер интерьеров. Она ремонтирует старый дом в Небраске вместе с мужем и ведет хронику. Мне нравится ее стиль изложения. И этот дом такой аутентичный. Это то, что я хочу – дом со своим характером.

– Он же полностью *белый*, – усмехается Джона.

– Неправда.

– Ну смотри: стены – белые, полы – белые... Ладно, занавески не белые... – Он ухмыляется. – Даже диван тут белый! Где они, черт возьми, сидят?

– Это чехол.

Джона качает головой, смеясь.

– Бога ради, пожалуйста, не заставляй меня жить в полностью белом доме.

– У нее интересные истории! Она занимается переработкой мусора и придерживается экологичного образа жизни. У них есть животные, и она сама выращивает все овощи, которые они едят.

Джона вскидывает бровь.

– Значит, ты все-таки *хочешь* жить на ферме.

– Да нет же! Я не сказала, что...

– Понятно. – Он растягивается на спине, закидывая руки за голову в издевательски расслабленной позе, и подол его рубашки задирается, обнажая подтянутые мышцы живота. – Калла Флетчер – фермерша. Я подарю тебе на день рождения большие уродливые резиновые сапоги и соломенную шляпу. И корзину для яиц. Нам стоит завести кур.

Я морщу нос.

– Куры воняют.

– И милого козленка или даже двух, – продолжает он, не обращая на меня внимания.

– *Ненавижу* коз.

– Что?

– *Никаких* коз.

Джона поворачивается ко мне и шокировано поднимает брови.

– Ты сейчас серьезно?

– Да!

– Но *козы* же миленькие и маленькие?

– И с жуткими горизонтальными зрачками.

– Да как ты можешь ненавидеть коз? – Джона выглядит искренне озадаченным.

– У меня есть причины. А что ты думаешь о солнечных батареях? Они работают на Аляске при таком коротком...

– Не-а. – Он мотает головой, и его голубые глаза сверкают озорством. – У тебя не выйдет, Барби. Выкладывай или я вернусь домой с десятком милых маленьких карликовых козочек для твоей фермы.

Зная Джону, он это сделает. В смысле, у нас под крыльцом живет неофициально одомашненный енот.

Я стону в голос, уже зная, чем это все обернется.

– Ладно! Когда мне было шесть, во время школьной экскурсии меня покусали козы, и с тех пор...

Мои слова заглушаются взрывом хохота Джоны.

– Тебя *терроризировали* козы?

Я толкаю его локтем.

– Это не смешно! – Хотя я изо всех сил стараюсь сдержать улыбку сама.

– Ладно, ладно. Ты права. – Он поднимает руки вверх в знак капитуляции. – Покажи мне свои шрамы.

– Вообще-то у меня нет никаких *заметных* шрамов.

– Потому что они все душевные? – спрашивает Джона с напускной серьезностью.

– Заткнись! Когда тебе шесть и тебя окружает стадо зверей, которые рвут твою одежду и грызут тебе пальцы, а потом тебя еще сшибают в свежую кучу дерьма, ты ни за что этого не забудешь! – Я демонстративно вздрагиваю, чтобы подчеркнуть свои слова.

Он трясет головой, и его смех затихает до едва заметного хихиканья.

– Иди сюда, мой маленький ненавистник коз.

Джона захлопывает мой ноутбук и отодвигает его в сторону. Его мощное тело прижимает меня к себе одним плавным движением, и его губы оказываются на моих.

Глава 7

Февраль

– Так это друг Джорджа? – спрашиваю я, зарываясь вглубь своей куртки.

Джона ведет Веронику к длинному ровному участку земли, по обе стороны которого возвышаются конусообразные вечнозеленые деревья. С одной его стороны стоят два прямоугольных здания зеленого цвета с металлическими крышами: одно побольше и второе – уменьшенная копия первого. Рядом с замерзшим озером примостился бревенчатый домик. Из его трубы, рассеиваясь в туманном небе, вьется шлейф темного дыма. В другой стороне, среди деревьев, притаились еще несколько пристроек и сараев. Это основная часть любого хозяйства на Аляске, как я узнаю в будущем, где можно укрыть все – от нарубленных дров и пропана до питьевой воды с квадроциклами и снегоходами.

– Кто, Фил? Ага. Они познакомились в военно-воздушных войсках. Я встречал его несколько раз. Отличный парень. Его жена умерла от инсульта осенью. Примерно в то же время, когда умер Рен.

– И он здесь совсем один?

Других домов у озера нет, насколько я могу судить.

– Ага. Его сын живет где-то на юге. Орегон или Айдахо, что-то в этом роде. – Джона кивает в сторону грузового отсека, на термосумку с лосятиной, которую Джордж попросил нас завезти ему по пути в пригород Анкориджа, куда мы полетели смотреть выставленные на продажу дома. – Он оценит это.

Наш самолет попадает в воздушную яму и трясется, и моя рука инстинктивно взлетает вверх, чтобы сжать предплечье Джоны. Он усмехается, легко и уверенно подмигивая мне, и заверяет, что все в порядке – с нами все будет в порядке.

И так оно и есть, с тех самых пор, как он спас меня от Рождества в одиночестве больше месяца назад, все дается нам легко. Мы плавно влились в наш прежний ритм, только уже без того некогда настойчивого облачка тревоги, которое маячило над нами в те времена, когда мы день за днем наблюдали, как ухудшается состояние моего отца, и страстно желали, чтобы у нас было побольше времени вместе.

Теперь волнение в разговорах о нашем будущем: о том, что необходимо будет сделать в доме, который мы купим, о том, что предстоит подготовить перед открытием чартерной компании, и том, в каких солнечных и теплых местах мы будем отдыхать, когда понадобится передышка от долгой темной зимы. Наши ночи полны смеха, пока лежим, запутавшись в простынях, и разговариваем, планируем и передразниваем друг друга, и мы вполне довольны жизнью.

И теперь, когда Джона официально завершил свою работу в «Аро» – прощальная вечеринка в его честь состоялась вчера, – а юристы трудятся над документами для продажи домов Барри, наша совместная жизнь движется куда быстрее, чем я того ожидала.

И это именно то, что я себе представляла, когда пыталась постичь, что такое любовь, но не могла сформулировать точного определения в своей голове.

Это оно.

Это мы.

Это тот всплеск эмоций, который я ощущаю каждый раз, когда Джона входит в комнату; то нетерпение, которое испытываю, когда его нет рядом; то, как ёкает мое сердце каждый раз, когда заставляю его смеяться.

Поддавшись порыву, наклоняюсь к Джоне и быстро целую в щеку над его недавно подстриженной бородой.

Он смотрит на меня с любопытством в глазах.

– За что это?

– За то, что ты – это ты.

Снова перевожу взгляд на приближающуюся землю. Даже выкрашенная в тот же суровый зимний белый цвет эта часть Аляски заметно отличается от той замерзшей тундры, которую мы покинули сегодня с первыми лучами солнца. Здесь дома разбросаны дальше друг от друга, но более многочисленны, а озера и реки очерчены густыми лесами вокруг своих берегов.

Джона внимательно следит за моим взглядом.

– Это часть Аляски действительно хороша.

Я люблюсь мгновение зазубренными белыми пиками гор вдалеке, еще более отчетливыми на фоне морозного голубого неба. Станут ли все эти горные хребты для меня когда-нибудь обыденностью?

– Что это за гора?

– Денали. Самая высокая в Северной Америке.

Я вздыхаю. Кажется, здесь действительно мило.

– Жалко, что она так далеко.

– Это *не* далеко. Она считается частью ландшафта Анкориджа.

– А как далеко отсюда сам город?

– Всего в полтора часах.

– Ты имеешь в виду, что аж *в полтора часах*, – поправляю я. – На машине это *три часа*.

При хорошей погоде.

Джона пожимает плечами.

– Но и не так далеко, как Бангор.

– Не так, – соглашаюсь я.

Джона сажает Веронику на заснеженную взлетно-посадочную полосу, и лыжи легко скользят по дороге, которая, вероятно, совсем недавно была расчищена трактором, припаркованным в сторонке.

– Прекрасная линия обзора... отлично выровнена... – Голос Джоны полон восхищения.

– Держу пари, ты говоришь это про *все* взлетно-посадочные полосы.

Он отсоединяет гарнитуру и привычно клацает множеством тумблеров, глуша мотор самолета. Наклонившись, чтобы быстро, но крепко поцеловать меня в губы и прошептать «да ты острячка», он открывает дверь и выпрыгивает из самолета.

И когда мои собственные ботинки с хрустом опускаются на землю, резкий контраст между нагретым салоном самолета и морозом снаружи заставляет меня еще сильнее съежиться в своем пальто.

Из высокого металлического здания – ангара, понимаю я, заметив в зияющем отверстии двери красное крыло самолета, стоящего внутри, – выходит человек. Он приближается к нам осторожной и ковыляющей походкой по узкой вытоптанной дорожке. Должно быть, ему около семидесяти – лицо его огрубело от возраста, а волосы, выглядывающие из-под черной шапочки, белые как снег.

Джона спешит ему навстречу, держа сумку с мясом в руке. Вторую он протягивает, чтобы обменяться рукопожатием.

– Фил. Рад снова тебя видеть.

– Давненько не виделись, да. – Фил ухмыляется, демонстрируя отсутствующий передний зуб. Серо-голубые глаза переходят на меня, и я замечаю, что левый из них замутнен. – А это хозяйка?

– Еще не официально, но да.

И мое сердце поет от ответа Джоны, от всех обещаний и намерений, заложенных в нем, – несмотря на то, что мы еще не обсуждали женитьбу – сказанных без колебаний или страха, в типичной для него прямолинейной манере. Я так презирала эту его черту, когда впервые встретила его и когда он так нагло высказал мне все, что обо мне думает в не самых блестящих выражениях. Но теперь уже не уверена, что смогла бы без нее. Когда тебе не нужно беспокоиться о том, что тебе что-то *недоговаривают*, доверять людям становится легко.

Джона протягивает руку назад, чтобы подозвать меня.

– Это Калла. Дочь Рена Флетчера.

– Жаль было узнать о твоём отце. Очень жаль. Он ушел слишком рано.

– Спасибо, – говорю я и поспешно добавляю: – Джона рассказал мне и о вашей жене.

Примите мои соболезнования.

Его губы поджимаются, и он отрывисто кивает мне в знак признания, словно на большее не способен.

И это чувство знакомо мне слишком хорошо.

Фил замечает термосумку в руках Джоны.

– Джордж упоминал, что передаст кое-что со своей охоты.

Джона похлопывает ладонью по жесткому ящику.

– Это отличная вырезка.

– Да, он уже хвастался. – Фил хохочет, и этот смех напоминает мне звук старого автомобильного двигателя, с трудом пытающегося завестись. – Что ж, пошли. Почему бы мне не устроить вам экскурсию, если хотите, а сумку в дом мы забросим после?

– Мы с радостью. Правда, детка?

Глаза Джоны сияют любопытством, оглядывая окрестности, а затем останавливаются на мне, и его губ касается странная оживленная улыбка.

Я не могу удержаться от ответной улыбки и придвигаюсь к нему, чтобы прошептать:

– У тебя прямо-таки стояк на дом этого парня, а?

Джона обхватывает меня рукой за талию и крепко притягивает к себе.

– Да я сейчас кончу в штаны.

* * *

– Мы с Колетт купили это место в 80-х. Весной 85-го, кажется. – Фил останавливается перед кухонной раковиной, задумчиво почесывая подбородок. – Точно, это был мой сороковой день рождения. Мы приехали сюда, чтобы порыбачить на реке. Если вам нравится рыбалка, то у нас одно из самых лучших мест для нее. К западу от нас целая система рек. Летом народ приезжает толпами.

В общем, мы влюбились в эту местность. Помню, я думал, что уже на полпути к смерти, и мне очень нужно было сделать какой-то большой шаг. Так что мы купили эту землю. Почти сорок гектаров земли, достаточно для полноценной жизни. Давненько это было. – Он небрежительно машет рукой в сторону территории за домом. – В это время года нужны снегоступы, чтобы передвигаться.

– Еще ни разу не ходила на снегоступах, – признаюсь я.

И я понятия не имею, сколько это – сорок гектаров, но подозреваю, что на пеший обход участка уйдут целые часы. После осмотра ангара и мастерской мы забрались в красный ржавый пикап Фила и поехали к дому на нем, поскольку расстояние было слишком уж непомерным для старых ног Фила.

Фил с любопытством смотрит на меня.

– Раз уж ты об этом упомянула, то ты не похожа на местную.

– Я родилась на Аляске, но большую часть жизни прожила в Торонто.

– А, из городских. – Он протягивает Джоне бутылку виски, взятую со стойки. – Пить хочешь?

Джона отрицательно мотает головой.

– Лучше не стоит. Мне еще лететь.

Фил дразняще машет бутылкой в мою сторону.

– Ну а тебе-то самолетом *не нужно* управлять.

Я стараюсь не выдать выражением лица своих эмоций. Сейчас едва полдень, а Фил уже схватился за бутылку. Рядом с ним стоит стакан, и я не могу сказать, вчерашний ли он или им пользовались уже сегодня. Какова его жизнь здесь в одиночестве? Может быть, я бы тоже начала пить.

– Спасибо, но у нас впереди долгий день. Хотя стакан воды не помешал бы.

– Конечно, думаю, где-то здесь у нас найдется бутылка, еще с тех времен, когда здесь был наш сын.

Фил подходит к холодильнику и достает оттуда пластиковую бутылку, и каждое его движение напоминает о его возрасте. От меня не ускользает то, что он постоянно говорит во множественном числе – «нас» и «наш», – словно его покойная жена все еще где-то здесь. Наверное, чтобы привыкнуть к статусу вдовца после пятидесяти лет брака, требуется время. Или Фил просто не хочет мириться с мыслью, что ее больше нет с ним.

Я вежливо улыбаюсь, принимая воду.

– У меня хороший большой огород. Примерно сотка. Достаточно большой, чтобы сделать заготовки на зиму, и все огорожено и подключено к электричеству, чтобы отгонять живность во время выращивания. Вы что-нибудь выращиваете? – Задавая этот вопрос, Фил смотрит прямо на меня.

– Нет, этим занималась моя мать.

Хотя она сама не раз охотно признавалась, что получает куда больше удовольствия от своих кустов роз и сирени, чем от морковки с кукурузой.

– Ну, любой человек может стать садоводом, если будет достаточно долго возиться с землей, – отмахивается Фил. – Еще есть загоны, где мы держали скотину.

– Твоя ферма, Барби, – бормочет Джона, получая мое едва заметное закатывание глаз в ответ.

– Конечно, кроме нескольких кур, которые несут яйца по утрам, больше никого не осталось. Ну и Зика. – Фил с грохотом ставит стакан на стол и наполняет его виски до половины. – Этот старый козел не что иное, как заноза в моей заднице. Он терпеть не может мужиков. Бесполезен, поскольку Колетт с нами больше нет. Он повсюду таскался за ней следом.

Лицо Джоны расплывается в ухмылке.

– Кто бы мог подумать? Калла просто *обожает* коз.

– Так сколько лет этому дому? – спрашиваю я, предупреждая зыряка на Джону.

Мой взгляд скользит по деревянному убранству домика, намеренно избегая огромной лосиной головы, наблюдающей за нами со своего места между двумя большими окнами. По бокам от камина висят олени головы. На стене напротив – черная меховая шкура, отороченная красным войлоком, и я могу только предполагать, что когда-то это был медведь, поскольку головы к ней не прилагается.

Я никогда не возьму в толк, зачем люди окружают себя теми, кого они убили.

– Дайте подумать... Старые владельцы начали строительство лет за десять до нас. У них настали тяжелые времена, и им пришлось продать дом еще до того, как его закончили. Так что, я полагаю, ему... – Фил прищуривается в раздумье. – Почти сорок пять лет? Кое-что обновили тут. И полностью переделали подвальное помещение. Весь этот камень положили мы. Колетт думала, что это будет красиво. Разбавит дерево.

– Она была права. Так и есть.

Бревенчатый дом построен на небольшом склоне, что позволило сделать в подвальном помещении несколько больших окон. Внешняя отделка облицована камнем, выгодно сочетающимся с камином.

– Конечно, кое-что придется переделать. Отделку и шкафы. А в ванной не помешали бы новые смесители, и нужно покрасить стены. – Фил отпивает виски, морщась от первого глотка. – Ну, знаете, все то, чем ты говоришь, что займешься, когда у тебя будут свободные выходные, а потом не успеваешь оглянуться, как проходит тридцать пять лет, твой ребенок уезжает из дома, жена умирает, а ты все еще смотришь на загрунтованный гипсокартон.

В его голосе звучит тоска.

И я надеюсь, что мне удастся скрыть жалость на своем лице, когда произношу:

– У вас чудесный дом.

В деревенском, перегруженном стиле, с устаревшим и захламленным интерьером, но все же он уютный. Даже несмотря на всех этих мертвых животных, наблюдающих за мной.

Может, Фил и живет здесь один – об этом красноречиво свидетельствуют грязная посуда и пустые упаковки из-под готовых замороженных продуктов, валяющиеся на столе, одежда, раскиданная почти на каждом предмете мебели, паутина, свисающая с люстры, словно мишура, – но здесь все еще сохранилось присутствие его покойной жены. Магниты в виде цветочков на дверце холодильника, удерживающие фотографии их внуков, плещущихся в озере. Календарь, висящий на стене, открыт на сентябре, где аккуратным женским почерком отмечены несколько встреч, день рождения и годовщина. Над порогом прихожей, длинного узкого коридора с дюжиной крючков, на которых висит все подряд – от легкого свитера до болотных сапог, – прикреплена деревянная табличка «Боже, благослови этот дом на Аляске», расписанная вручную фиолетовыми полевыми цветами. И полагаю, что все эти бледно-голубые и сиреневые вещи когда-то принадлежат самой Колетт.

– Эти бревна все были вытесаны вручную, – произносит Фил, и его брови изгибаются дугой, будто он делится невероятно шокирующим секретом. – Колетт настаивала, что если у меня есть ангар для моих игрушек, то у нее должен быть свой бревенчатый домик у озера с большим камином, где она сможет проводить холодные зимние дни. С этим не поспоришь. – Его мутный взгляд устремляется на двускатный потолок двухэтажной гостиной, куда поднимается дымоход большого каменного очага. Длинный деревянный пол покрывает дешевый изношенный ковер цвета зеленого мха. – С этим местом связано много хороших воспоминаний. В любом случае мои ангар и мастерская появились только через пятнадцать лет после дома.

– Они выглядят добротно построенными, – замечает Джона тем же оценивающим тоном, который не покидает его голос с тех самых пор, как мы приземлились.

– О, так и есть. Ангар нуждается в небольшом ремонте. Обычная профилактика, которой никак не избежать. Но такого, как здесь, вы больше не найдете нигде в округе. Старая постройка, скажу я вам.

Джона согласно кивает.

– Я летел над этими парнями, как муха над лосиным дерьмом.

Прячу свою кривую улыбку за глотком воды.

– Джона восхищается вашим ангаром с тех пор, как мы приземлились. – Я бросаю на него язвительный взгляд. Конечно, это больше походило на то, что Джона прогуливался в мороз с эрекцией на гигантский металлический сарай, но все же.

– Уж надеюсь. Джордж клялся, что ты оценишь. – Фил делает еще один большой глоток виски. – Вот почему я лучше продам участок тебе, а не той парочке из Хомера. Так когда у вас будут деньги, чтобы выкупить его?

Глава 8

– Я буду бургер из бизона и разливной светлый эль. – Джона складывает меню и передает его обратно Крису. – А Калла возьмет нож для стейка, чтобы перерезать им мою яремную вену.

Кустистые брови Криса изгибаются дугой, когда он смотрит на меня, и его глаза сияют смесью восторга и любопытства.

– Полагаю, он это заслужил?

– В супе с луком-пореем есть молочные продукты? У меня пищевая аллергия. – Заставляю себя улыбнуться. Злюсь, но при этом голодна.

– Позволь мне уточнить. Я вернусь через минуту. И принесу подставки, чтобы стол не шатался. – Крис забирает у меня меню. – И нож, чтобы пырнуть Джону.

Он уходит, все еще смеясь от своей шутки. Это мило.

Я снова устремляю жесткий взгляд на человека, сидящего напротив меня.

Джона откидывается назад, и стул скрипит от тяжести его немаленькой фигуры. Он смотрит на меня расчетливым взглядом – таким, который говорит мне, что в этот самый момент Джона прикидывает, как именно собирается убедить меня согласиться на эту его бредовую идею – поселиться в лесу посреди пустоши.

– Ты должна признать, что это идеальный вариант для нас.

– Для нас? Нет. Не для нас. Для тебя.

– Ты же хотела дом с характером. А что может быть более аутентичным, чем бревенчатый дом с прекрасным видом на Денали?

– Посреди *глуши*, – напоминаю ему я.

– Трапперс Кроссинг – это *не* глушь. Оттуда до Уасиллы всего двадцать пять минут пути. Там проживает десять тысяч человек и есть все, что тебе требуется. Даже «Волмарт».

– Ты думаешь, что «Волмарт» – это все, что мне нужно?

Джона вскидывает руки.

– Черт побери, я не знаю. Это ты все время говоришь о «Волмарте». – Его взгляд внимательно изучает стену позади меня, как будто где-то там, за деревянными панелями скрывается аргумент, который сможет меня переубедить. – Мари, например, живет в Уасилле.

– Ага, твоя суперблизкая подруга, которая тайно в тебя влюблена. Еще лучше, – бормочу я, хотя и не испытываю враждебности.

Когда познакомилась с той симпатичной ветеринаршей, сразу после того, как мы с Джоной впервые поцеловались, я просто сгорала от ревности. Любому было понятно, что она рассчитывает, что их дружба станет ступенькой к чему-то большему. Джона сам как-то признался, что они целовались один раз. А еще он сказал, что не может дать ей того, чего она хочет.

Я видела Мари всего дважды – второй раз на похоронах моего отца, – и, кажется, тогда она отступила на шаг назад, будто пытаюсь соблюсти невидимую границу, проведенную между ней и Джоной, когда появилась я. В любом случае у меня нет проблем с Мари, но это совсем не то, что убедит меня в покупке дома Филадельфии.

Джона закатывает глаза.

– Она не влюблена в меня.

– Мы же остановились на Анкоридже, – напоминаю я ему.

– Нет. Мы остановились на *окрестностях* Анкориджа. Это чертовски ближе к Анкориджу, чем Бангор. – Он складывает руки на столе перед собой. – Да ладно тебе, Калла... Ты ведь это *несерьезно*, когда говоришь о переезде в пригород? Ты хочешь обычный дом с крошечным двориком и людьми с обеих его сторон, заглядывающими в твои окна по ночам? Дом без характера?

Вздыхаю с отчаянием. Джона использует мои слова против меня. И, я не хочу этого признавать, эффективно.

– Как я буду летать? Где мне держать свои самолеты?

– *В аэропорту*, как и все нормальные люди. Как мой отец.

Он медлит, закусив нижнюю губу. Если бы я не была так раздражена, то, вероятно, этот тонкий маневр взбудоражил бы мою кровь.

– Это не новость для тебя, Калла. Я уже упоминал, что хочу свой аэродром. И не раз. – Джона добавляет уже более мягко: – Помнишь, той ночью, когда я посадил тот маленький игрушечный самолетик на твою...

– Это было всего один раз! – прерываю я, краснея, и бросаю взгляд на соседний столик, чтобы убедиться, что сидящая там семья не подслушивает нас. – Я думала, это случится «когда-нибудь», лет через пять или десять. Не *сейчас*.

– Я тоже так думал. Но зачем ждать пять или десять лет, если мы нашли идеальный вариант *прямо сейчас*?

– Ты даже не понимаешь, почему я злюсь, да?

– Потому что ты, и правда, хочешь жить в пригороде? – переспрашивает он.

Я одариваю его безучастным взглядом.

– Когда ты узнал, что Фил продает свой дом?

Бородатая челюсть Джоны каменеет.

– Возможно, Джордж что-то говорил мне об этом на прошлой неделе, – признается он.

– Тогда почему ты ничего не сказал мне на прошлой неделе? И не говори, что у тебя не было возможности. Мы разговариваем о переезде *каждый день* весь последний месяц.

Джона тяжело вздыхает.

– Потому что я знал, что ты достанешь свою чертову карту и решишь, что это слишком далеко для нас, даже не послушав.

– И вместо этого ты обманом заставил меня полететь туда. Ты мне *солгал*.

– Это *не* было ложью. – Теперь наступает очередь Джоны украдкой бросить взгляд на соседнюю семью, но они, похоже, поглощены своим собственным разговором. Тем не менее он понижает голос. – Джордж попросил меня завезти Филу мясо, если мы соберемся посмотреть его дом.

– И что? Неужели ты думал, что я войду в бревенчатый домик посреди леса с головами животных, развешенными по всем стенам, и сразу же решу там поселиться?

– Честно? Да, я так думал.

Я раздражаюсь недоверчивым смехом.

– Что? Ты сама сказала, что там красиво – горы, озеро и все такое.

– Да. Чтобы пожить временно.

– Это *не так уж* и далеко от цивилизации, Калла. Дом полностью оборудован для жизни. Колодец с водой, водопровод, отопление – там есть все. Анкоридж находится в считанных минутах езды оттуда. В Трапперс Кроссинг много домов. Это крупный туристический район. – Он хмурит лоб, и маленький белый шрам от авиакатастрофы, случившейся прошлым летом, плавно опускается в образовавшуюся расщелину.

– Мне не нравятся подобные сюрпризы.

Не такие, которые влияют на всю оставшуюся жизнь.

– Ты не можешь винить меня за попытку.

Может, и нет. Но дело ведь не в этом.

– Мы должны быть заодно, Джона. – Внезапно я понимаю, что повторяю слова Агнес. – Не надо манипулировать мной, чтобы получить то, что хочешь.

– Я и не пытался манипулировать тобой, – говорит он так, словно его совесть переоценивает это заявление, пока тот его делает.

– Может быть, не намеренно, но ты это сделал. И это на тебя не похоже. Ты всегда был открытым и честным. Говорил все, что думаешь. Это я и люблю в тебе. – Разве я недавно не размышляла о том, *как сильно* мне нравится в нем это качество? – А это коварство? Это не ты.

Поэтому так и не разгадала его план, который, оглядываясь назад, я, идиотка, просто не заметила.

Губы Джоны сжимаются.

– Мне жаль. Наверное, я просто увлекся тем, как идеально подошло это место. Возложил слишком много надежд на то, что ты влюбишься в него, когда увидишь. Фил должен был молчать, пока я не удостоверюсь в этом. – Он берет пакетик соли в руки и отбрасывает его в сторону. – Надеюсь, что ты разглядишь в нем потенциал. Или хотя бы выслушаешь меня, прежде чем отвергнуть эту затею.

На нас опускается неприятная тишина, и разочарование Джоны в ней почти осязаемо.

Мной сразу же овладевает желание нарушить ее – решить проблему. Интересно, пожалею ли я об этом?

– Ладно.

Взгляд Джоны устремляется на меня.

– Я *выслушаю* тебя, прежде чем отбросить эту идею.

И уже после – отброшу.

Он делает глубокий вдох, его поведение заметно меняется от крайнего разочарования к кипящему возбуждению, пока Джона думает, с чего начать.

– Это место подходит прямо «под ключ» для нашего чартерного бизнеса. То есть нам все равно придется подавать заявку на получение лицензии на эксплуатацию, если мы берем клиентов на борт нашей собственности, но нам не придется платить за пользование посадочной полосой, арендную плату и прочее дерьмо, чтобы я мог летать. Мне не придется привлекать рабочих для строительства взлетно-посадочной полосы и ангара и заниматься прочим головняком, связанным с этим, потому что все уже готово. Подвальное помещение с отдельным выходом – это идеальное место для офиса, так что я всегда буду рядом, когда не в небе. Нам не придется целыми днями торчать в каком-то дерьмовом трейлере в аэропорту.

От рассвета до заката, как часто жаловалась моя мама. Его никогда не было рядом, говорила она.

– И это хороший дом. Добротно построенный, с характером.

– Старый. И незаконченный. И деревянный, – парирую я.

С тремя крошечными спальнями и только одной ванной на втором этаже.

– Нет ничего, что нельзя было бы доделать и поменять.

– Или снести.

– Почему бы и нет? – Он пожимает плечами. – Если кто и может сделать что-то красивым, так это ты. Помнишь? – Джона жестом указывает на свою бороду, и я с трудом сдерживаю улыбку. Как же он меня бесит.

Джона наклоняется ко мне и почти заговорщически шепчет.

– И этот лот полностью укомплектован. Фил сказал, что все это ему больше не нужно. Он переезжает жить к сыну. Все, что там есть, отходит вместе с участком. *Все*, Калла. Старый пикап, трактор, снегоходы, квадроциклы. Он даже отдает свой самолет, если он мне нужен. Его нужно немного отремонтировать, конечно, но с его слабым зрением Фил больше не может летать.

Лицо Джоны на мгновение искажает гримаса при мысли об этом, но затем оно выравнивается.

– И да, там *немного* тише, чем ты ожидала, но все, что находится за пределами большого города, будет казаться несколько отдаленным. Но это не Бангор. До Анкориджа проложено отличное шоссе и множество асфальтированных дорог. Как только у тебя будут водительские

права, ездить туда за всем необходимым, чего нельзя будет достать поблизости, не составит труда. Но, уверяю, в Уасилле есть все.

Я откидываюсь на спинку стула и слушаю, как Джона перечисляет все преимущества этого места, в том числе упоминает охотников, которые уже договорились с ним на осенний сезон (они куда охотнее полетят в Анкоридж, нежели в Бангор); туристов, которые толпами и ежедневно посещают этот район ради полетов над горным хребтом Денали, и не могу удержаться, чтобы не кивнуть вместе с ним – Джона приводит хорошие аргументы.

И наличие готового места, где он легко получает доступ к своим самолетам, – идеальный вариант. Я бы и сама предпочла вставать с постели и спускаться в наш «офис» всего два этажа, а не выходить на мороз каждое утро.

Кажется, я никогда не видела Джону таким взволнованным прежде. Он определенно не испытывал такого энтузиазма по отношению ни к одному из других перспективных вариантов, что я выдвигала на рассмотрение.

Может быть, он прав. Может, это действительно идеальный вариант для нас обоих.

Я чувствую, как моя решимость начинает давать трещину.

– Ты должен был рассказать мне о нем до того, как мы туда полетели, Джона.

– Ты права. Мне правда жаль. – Его светло-голубые глаза полны искренности. Он протягивает руку через стол, чтобы взять мою, и я чувствую прикосновение его шершавых мозолей, которые он получил, рубя дрова и чистя снег. – Но для нас это хороший вариант, Калла. Я бы не стал настаивать на нем, если бы так не думал. Лучший. В нем есть то, что устроит нас обоих.

И мы заодно, а значит, компромисс необходим, напоминаю я себе.

По правде говоря, я пыталась представить Джону – парня, который сажает самолеты на горы и ледники, – чувствующим себя комфортно на застроенной городской улице, полной домов и микроавтобусов, и мне удалось это с трудом. Я переживала, что мы можем выбрать не тот дом, не тот район и что он пожалеет, что покинул Бангор ради меня. Я ведь здесь не единственный человек, который отказывается от того, что знает и любит. Мне нужно думать и о потребностях Джоны, а сейчас он тонко намекает мне – что так не похоже на него и чего я не заметила сразу – на то, что сделает его счастливым.

Полтора часа на машине до Анкориджа.

Двадцать пять минут – и ты среди десяти тысячи человек. В «Волмарте». Я тратила столько же на дорогу до работы каждый день в течение четырех лет, напоминаю я себе.

– Агги считает, что это хороший вариант.

– Так ты уже поговорил об этом с Агнес.

И все же я не раздражена этим фактом. Если кто и умеет слушать, не осуждая и не уговаривая, так это она.

– Хотел убедиться, что не брежу. Это она мне сказала, что я не должен сваливать все на тебя. – Джона виновато улыбается.

– Сколько хочет Фил? – За всю эту землю, ангар и бревенчатый дом, в котором есть свой шарм. – Это не может стоить дешево.

Он кивает.

– Вдвое больше, чем мы планировали потратить. И Фил хочет переехать как можно быстрее. До конца зимы.

Я медленно выдыхаю.

– Если Фил не хочет ждать, нам придется попытаться оформить ипотеку.

Джона был категорически против ипотеки, и, честно говоря, это может быть вообще не вариантом, учитывая наш нынешний статус занятости.

Он еще раз согласно кивает.

– У нас нет на это времени. Фил продаст дом другой паре. Но я все подсчитал, и мы сможем его себе позволить. Деньги, которые я получил за продажу Джагхеда «Аро», продажа дома и мои сбережения за последние десять лет с лихвой покроют расходы.

– Я не смогу отдать тебе свою половину до марта или апреля. Или даже позже.

Мне еще только предстоит пройти все эти бюрократические процессы, прежде чем я получу наследство.

– Кстати об этом. – Брови Джоны нахмуриваются. – Земля и ангар составляют как минимум половину стоимости всей суммы, поэтому я хотел бы покрыть все это плюс половину дома...

– Что? – Я бросаю на него суровый взгляд. – Нет.

– Да брось, Калла. Рен оставил тебе эти деньги, чтобы ты могла устроить свою жизнь. Ты можешь вложить их во что-нибудь.

– Я и *вкладываю*. – Тоже хмурюсь. – В нас.

Он трясет головой.

– Я в курсе, за сколько Рен продал «Дикую Аляску» «Аро», и не хочу, чтобы ты или еще кто-то решил, что я тебя использую.

– С каких пор тебя волнует, что скажут другие? – произношу я на повышенных тонах и с нескрываемым раздражением в голосе.

– Меня волнует, что скажут Сюзан и Саймон, – отвечает Джона.

Неужели моя мать что-то сказала ему? Мысленно делаю пометку поговорить с ней.

– Единственное, что их волнует, чтобы я не растранижила все и не осталась ни с чем.

Джона упрям и ведет себя как самовлюбленный придурок.

Однако на этот раз я одержала верх.

– Мы же заодно. Это *наши* совместный дом и *наша* совместная жизнь, в том числе и наша чартерная компания. Не вижу никаких причин, почему не должна оплачивать половину. – Стараюсь говорить медленно и четко. – Я соглашусь на покупку *только* в том случае, если мы будем заодно, *во всем*. Так что пятьдесят на пятьдесят.

Джона открывает рот, чтобы ответить, но затем закрывает его, словно бы обдумывая то, что собирался произнести.

– Так... значит, ты согласна на покупку?

Нарочито вздыхаю.

– Я сказала, что согласна *подумать* над этим.

Может быть, мне также стоит подумать о психиатрической помощи, потому что *поверить не могу*, что подшучиваю над брутальным йети.

– Эй, Джона! – кричит Крис из-за барной стойки, прижимая телефонную трубку к уху. – Ты все еще планируешь сегодня съездить в Трапперс Кроссинг на грузовике Андреа?

– Э-э-э... – Джона с надеждой смотрит на меня.

Чувствую, как на лице появляется недоуменная гримаса.

– Невероятно! Они *тоже* в курсе? Это заговор!

Он робко пожимает плечами.

– Нам в любом случае понадобился бы их грузовик, чтобы посмотреть другие предложения. Я подумал, что мы могли бы съездить и осмотреться, пока здесь. Послушать твое мнение.

Откидываюсь на спинку стула и глубоко выдыхаю.

Медленно расцветающая хитрая ухмылка на лице Джоны говорит мне, что он уже считает себя победителем. Мотаю головой в ответ на его самонадеянность.

– У меня есть условия!

Его глаза настороженно сужаются.

– Например?

– Озвучу тебе их, когда придумаю. Кстати, обсуждению они не подлежат. – И тут меня осеняет. – Но сейчас... я скажу только одно. – Поднимаю пальцы вверх для усиления значимости сказанного и перегибаюсь к нему через стол, чтобы насмешливо-чарующее протянуть: «Йети».

Джона корчит гримасу, и я улавливаю сказанные им шепотом слова:

– Вот дерьмо.

На моих губах появляется мстительная улыбка.

* * *

Руки Джоны крепко лежат на руле пикапа Андреа, пока мы плавно притормаживаем на обледенелой дороге. Собственности Фила отсюда не видно. Подъездная дорога представляет собой длинную линию, огибающую деревья – ели с обвисшими под тяжестью снега ветками и облетевшие лиственные деревья, стоящие одной сплошной естественной стеной.

Но то, на чем сосредоточено мое внимание, находится впереди нас – бескрайняя белая пустыня, зубчатые вершины, уходящие высоко в сумрачное небо, и сиреневый оттенок последних мгновений солнца, ласкающего нависшую гору перед наступлением ночи.

Никогда, даже в своих самых смелых мечтах, я не думала, что буду жить в месте с таким видом. И мы сможем наслаждаться им каждый день.

– Ты так ничего и не сказала. – Чувствую, как Джона изучает мой профиль, и слышу беспокойство в его голосе. – Поделись, о чем ты думаешь.

Думаю о том, что... Трапперс Кроссинг спит, но он не мертв. Я наблюдала, как мы ехали по главной дороге – назвать асфальтированное двухполосное шоссе с горсткой магазинов и служб по обеим сторонам главной улицей было бы ошибкой, – и видела там признаки жизни. Мужчину в зимней одежде, бодро выгуливающего своего золотистого ретривера среди деревьев, усеивающих участок; троих маленьких детей, смеющихся, пока они выпрыгивали из яркого автобуса, ловко переделанного в бургерную; десятки машин, огибающих крутые, наваленные снегоуборочной техникой снежные насыпи на парковке маленького продуктового магазина. Лесопилку, хозяйственный магазин.

Он напомнил мне городки Северного Онтарио, через которые я ездила к коттеджам, – тихие функциональные поселения, процветающие благодаря туризму, с живущими тут людьми, кое-кто из которых родился и вырос здесь, в то время как другие сбежали сюда откуда-то. Это такое место, где невольно задаешься вопросом, чем занимаются здесь люди целыми днями и на что похожи их пятничные вечера.

Чтобы увидеть большую часть того, что может предложить Трапперс Кроссинг, много времени не потребовалось. Джона сориентировался в городе, и мы взглянули на общественный центр, библиотеку и одноэтажный медицинский центр, где можно получить помощь при незначительном недомогании. Ничего похожего на городскую инфраструктуру тут и в помине нет. Это просто дороги, проходящие через кажущийся бесконечным лес, с разбросанными домами.

Но потом, когда мы проезжали мимо маленького квадратного здания начальной школы, Джона положил свою ладонь мне на бедро и легонько сжал его. В моей голове пронеслось воспоминание о том, как он держал на руках пухлого малыша на прощальной вечеринке Шэрон и Макса, и мои мысли внезапно перескочили со всего того, чем не является Трапперс Кроссинг, на то, чем он мог бы стать, если я приму его.

Если я дам этой мечте Джоны шанс.

Шанс нашей жизни с Джоной тут. Должна признать, бревенчатый домик в лесу с видом на миллион баксов сразу обретает большее очарование, особенно когда я делю его с этим человеком. В голову лезут мысли о домике Джорджа и Бобби с его рождественскими украшениями и гирляндами. Встречать Рождество здесь будет просто чудесно.

Я встречаюсь взглядом с голубыми глазами Джоны и вижу в них озабоченность. Надежду. Кажется, он даже затаил дыхание.

– Нам нужно будет сделать рекламную вывеску. Вон там. – Указываю на скученные березы. – И это должна быть не одна из тех уродливых вывесок, похожих на рекламные щиты, которые я вижу тут повсюду.

Чаще всего это просто гофрированные листы пластика с выцветшими печатными буквами, указывающие часы работы и вид товара.

Джона выпускает воздух из легких с тяжелым вздохом.

– Можешь вывесить тут все, что, черт возьми, захочешь. Ты все равно лучше меня разбираешься в этом.

– Подожди, а как здесь с сотовой связью? Потому что я не смогу жить без элементарного...

– Неподалеку стоит вышка. Здесь четыре деления сигнала.

Теперь приходит моя очередь вздохнуть с облегчением, хотя это далеко не весь список.

– И ты не будешь постоянно уезжать на весь день и бросать меня здесь одну на произвол судьбы?

– Теперь я сам составляю свое расписание. Можешь летать вместе со мной. Как в старые добрые времена.

– И никаких полетов с ночевками. Я не собираюсь проводить ночи в одиночестве.

– Поверь, мне больше ничего так не хочется, кроме как быть в постели рядом с тобой каждую ночь.

– И тебе нужно чаще сажать меня за руль, чтобы я как можно скорее получила права.

– Отлично, потому что я уже устал возить твою задницу туда-сюда.

– Оформлением буду заниматься я. Наш дом не будет одной из тех мрачных бревенчатых избушек с мертвыми животными и оружием, развешанным по всем стенам.

Джона поднимает руки вверх в знак капитуляции.

– Ты можешь даже перекрасить все это чертово место в белый цвет, если захочешь, Калла. Нахмуриваю брови.

– Серьезно?

– Я имею в виду, что это будет ужасная идея, и Фил наверняка вернется сюда и пристрелит нас обоих, если узнает, но мне наплевать. – Он ухмыляется. – Только не злись на меня, когда я буду все пачкать.

– Ладно, может, перекрашу всего одну комнату в белый, – насмешливо обещаю я.

Он подносит мою руку ко рту и целует костяшки пальцев.

– Все, что угодно, если ты будешь счастлива.

Я видела такое выражение на его лице только один раз – когда мы стояли в аэропорту и я сказала, что перееду на Аляску ради него.

– Меня делает счастливой то, что счастлив ты, – искренне отвечаю я.

– Ну тогда... ты только что сделала меня самым счастливым парнем на земле. Боже, я так тебя люблю.

Он нежно притягивает меня к себе и захватывает губы в глубоком поцелуе. Поцелуе, который мгновенно вызывает желание в моем теле. Поцелуе, который заставляет меня отстегнуть ремень безопасности и придвинуться к Джоне ближе, чтобы с готовностью осквернить грузовик Криса и Андреа на обочине этой пустынной дороги и заставить его окна запотеть.

Когда моя ладонь прижимается к ширинке Джоны, он отстраняется. Его дыхание звучит прерывисто.

– Ты ведь понимаешь, что это значит, да? – Его лоб прижимается к моему. – Это большая ответственность.

– Я переехала на Аляску ради тебя, разве нет?

Разве я уже не взяла на себя ответственность?

– Черт возьми! – выдыхает Джона. – Может, поедем и скажем Филу, что мы согласны, прямо сейчас?

Я уллучаю момент для успокаивающего вдоха и смотрю на длинную дорогу впереди нас.

– Думаешь, он достаточно трезв, чтобы вести этот разговор?

С момента нашего первого визита к нему прошло уже несколько часов. Это много для старика, живущего в лесу, и его бутылки виски.

– Давай выясним.

Заведя старый грузовик Андреа, Джона вырывает на дорогу, ведущую к дому Фила. Точнее, нашего дома в ближайшем будущем. У меня в животе внезапно поднимается нервная дрожь.

И всю дорогу туда моя рука крепко сжимает руку Джоны.

Глава 9

Март

– Клянусь, я *правда* хочу приехать, но не думаю, что мы можем себе это позволить в этом году со всеми этими счетами! К тому же нам придется лететь в *чертову* Коста-Рику. На свадьбу его сестры. Кто вообще заставляет свою *семью* выкладывать *тысячи* долларов, чтобы попасть на свадьбу?

Я улыбаюсь, вспоминая времена, когда Диана мечтала, как чудесно было бы сыграть выездную свадьбу где-нибудь. Однако сейчас не время напоминать ей об этом.

– Давай я оплачу ваши билеты?

С тех пор как в январе этого года Диана переехала со своим парнем в однокомнатную квартирку в Либерти-Виллидж по непомерно высокой цене и решила, что хочет учиться на юридическом факультете, она постоянно жалуется на нехватку денег. А может быть, я замечаю это лишь потому, что для меня деньги скоро перестанут быть проблемой.

– Это очень щедро с твоей стороны, Калла, но ты же знаешь Аарона... Он ни за что на это не согласится.

А еще, не дай бог, Диана проведет несколько дней вдали от него, если решит приехать сюда одна.

– Уверена, мы что-нибудь придумаем. Когда приезжают твои родители?

– Я не знаю. Мама говорила что-то о конце июня, на мой день рождения, но магазин всегда так занят из-за свадеб, что, вероятно, не получится.

– Я уверена, она разберется. И я тоже. Обещаю! Если не в этом году, то в следующем точно, – звучит в моем ухе раскаивающийся голос Дианы.

– Не могу дождаться.

С тех пор, как я обняла свою лучшую подругу на прощание – то эмоциональное прощание накануне моего отлета сюда, – прошло два с половиной месяца. Хотя мы все еще продолжаем переписываться, словно живем в одном и том же городе, груз пропущенных еженедельных встреч и веселья остается где-то на заднем плане, под всем этим шквалом активности, связанной с моим переездом, и в редких случаях, когда я слышу голос Ди, этот груз напоминает о себе.

– Знаю! Боже, Аарон не перестает говорить об Аляске с тех пор, как я упомянула о ней. Я жалею, что вообще сказала ему.

– Нет, не жалеешь.

– Не жалею, – соглашается Диана, и я чувствую улыбку в ее голосе. – Наш личный пилот и собственная взлетно-посадочная полоса! И Джона отвезет нас на самолете, куда мы скажем, так?

Я смеюсь, представляя себе выражение лица Джоны, когда он узнает, что ему придется играть роль личного пилота моей подруги. Если он думал, что это я не вписываюсь на Аляске, то пусть дождетсЯ Диану.

– Калла! Ты готова? – доносится глубокий голос Джоны из кухни моего отца.

– Почти! – кричу я в ответ, проводя кончиком пальца по тускло-розовому краю маминого рисунка лилий каллы на стене.

На следующей неделе Агнес закрасит их белой краской к приезду нового арендатора. Она продала дом Барри с условием, что нескольких следующих лет он будет сдавать его в аренду.

Хотя не знаю, насколько это условие окажется весомым в суде, ведь для Агнес достаточно простого рукопожатия и дружеской соседской договоренности.

Для новых грядок прилегающей земли более чем достаточно. Агнес даже сама нашла Барри его арендатора – недавно переехавшего сюда пилота «Аро» – и согласилась взять на себя хлопоты с покраской и уборкой дома. Мы с Джоной предлагали помощь, но она улыбнулась, покачала головой и сказала, что у нас и так достаточно забот, так что здесь справится сама.

Весь последний месяц мы сортировали, выбрасывали и паковали вещи в доме Джоны. Большую часть мебели оставили. Она не стоит того, чтобы переправлять ее в Трапперс Кроссинг. Мы берем только одежду и личные вещи, а также несколько сентиментальных мелочей, в частности впечатляющую коллекцию фильмов с Джулией Робертс моего отца. Что-то из этого останется здесь, в коробках, чтобы отправиться в путь вместе с Джорджем на Арчи, втором самолете Джоны, через несколько недель.

– Слушай, Ди, мне пора, но я напишу тебе, когда мы устроимся. Интернет, кабельное и все остальное нам проведут не сразу.

– Хорошо, но не жди слишком долго, чтобы выложить новый пост.

– У меня перерыв, помнишь?

– Знаю! Но всем интересно, когда твой горячий аляскинский пилот сделает предложение.

Я закатываю глаза. Диана создала на нашем сайте целый раздел, посвященный моей новой жизни на Аляске, любовно названный «Красавица и Йети». Среди наших подписчиков он стал настоящей кормушкой для романтиков. Хотя никто из нас больше не ведет такую же активную деятельность, как это когда-то было на «Калла и Ди» – мы обе поглощены переездами и будущей карьерой, – в ночь перед моим отъездом мы заключили слезное соглашение, что приложим все усилия, чтобы поддерживать наш сайт на плаву в той или иной форме.

Для меня он стал летописью моей новой жизни на Аляске.

– И не надо закатывать глаза! – восклицает она так, будто видит сквозь телефонную трубку. – Держу пари, он сделает тебе предложение к концу года.

– О боже! Не начинай, пожалуйста. – Я смеюсь, даже несмотря на нервный всплеск бабочек в животе.

Не то чтобы эта мысль совсем не приходила мне в голову. Приходила, и не раз. Но я сразу же отгоняла ее, говоря себе, что для этого еще слишком рано.

– У нас и так хватает забот с домом и открывающейся компанией.

– Калла! – зовет Джона.

– Мне нужно идти. Йети теряет терпение.

– Ладно. Наслаждайся первым днем в своей бревенчатой хижине в глуши. Сумасшедшая! Люблю тебя! Пока!

И она вешает трубку до того, как я успеваю ответить.

Да, возможно, я, и правда, сошла с ума, раз согласилась на все это.

Но я безумно люблю Джону.

Я выдвигаю пустые ящики комода, чтобы в последний раз убедиться, что мы не оставили что-то важное из вещей отца, а затем прохожу по коридору, оглядываю пустую гостиную и инстинктивно перевожу взгляд на тот угол, где когда-то стояла больничная койка. Старой потертой мебели уже нет, и воздух пахнет запахом свежей краски.

Это больше не дом Рена Флетчера, напоминаю я себе.

Вхожу в кухню и слышу резкий звук чего-то рвущегося. Джона медленно сдирает со стены полосу тех самых ужасных обоев с утками.

– Решил помочь Агги.

– И как оно, полегчало?

Он изучает обрывок бумаги в руках размером с небольшое письмо.

– Вообще-то да. Чертовски полегчало. – Он протягивает его мне, и я вижу соски, которые они с Максом, еще одним пилотом «Дикой Аляски», в шутку пририсовали каждой утке. – Что думаешь о том, чтобы вставить это в рамку и повесить на стену у нас дома?

– Отличная идея, – ухмыляюсь я, и в груди становится теплее. – И думаю, тебе пора уже перестать ворчать на Агнес за вождение грузовика моего отца и признать, что ты большой ностальгирующий ребенок.

Джона ухмыляется, засовывая обрывок обоев между страницами книги для сохранности.

Мое внимание привлекает дребезжание металла – где в маленькой переноске для животных сидит Бандит; его пухлое тельце бьется о закрытую дверцу, а ловкие лапы бьют и царапают защелку в неистовой попытке вырваться на свободу.

– Он не выглядит взволнованным, – замечаю я.

– Он будет в восторге, когда увидит свою новую нору.

Фил договорился с соседом, чтобы тот забрал оставшийся у него скот – включая, слава богу, и козла, – что освободило целый загон для нашего *енота*. И разумеется, по словам Джоны, у нас нет другого выбора, кроме как забрать его с собой. Если мы оставим Бандита здесь, то он залезет на грядки Барри, и тот его пристрелит.

Я качаю головой.

– Помнишь, ты говорил мне, что он не твой питомец?

Джона сокращает расстояние между нами.

– Помнишь, ты говорила, что я мудака?

– Присяжные еще не определились с вердиктом, – дразню я.

Он наклоняется и мягко целует мои губы.

– Ах да, почти забыл. – Джона достает кофеварку и ставит ее на стол. – Что предпочитаешь понести: это или его?

– Я возьму то, что не будет царапать мою ногу, спасибо.

Моя рука гладит пластик, предаваясь воспоминаниям. Этот дешевый прибор был неотъемлемой частью незамысловатой рутины моего отца. Однажды утром я приготовила самый ужасный кофе из всех известных человечеству, используя эту машину. Но папа выпил всю чашку без единой жалобы.

– Тихе, тихе... расслабься, – успокаивает Джона ругающегося Бандита.

Оба наших взгляда в последний раз окидывают кухню отца, и каждый из нас на мгновение погружается в свои воспоминания.

А потом Джона смотрит на меня.

– Готова?

Покинуть все, что я знаю на Аляске, ради чего-то совершенно незнакомого и нового? Я делаю глубокий успокаивающий вдох.

– Да.

И он выводит меня из дома с безмолвной решительной улыбкой на губах.

* * *

– Я думала, он должен был уехать, – шепчу я.

Когда мы прибыли, входная дверь была не заперта. Длинный узкий коридор оказался все еще завален пальто, обувью и шарфами. В гостиной все еще стоят потертый диван и тумбочки. В сушилке по-прежнему расставлены тарелки и стаканы. А угрюмые лось и пара оленей все так же скорбно смотрят на меня со стены.

На дощатом полу остаются снежные следы, когда Джона проходит к кухонному столу, на котором лежат связка ключей и лист бумаги. Он просматривает написанную от руки записку и хмурит брови.

– Фил уехал. Улетел сегодня утром, – подтверждает он, бросая листок на стойку. На его губах появляется мрачная улыбка. – А он не шутил, когда сказал, что оставит *все*.

– Это точно, – бормочу я и подхожу к холодильнику, откуда на меня смотрят глянцевые фотографии маленьких мальчиков, незнакомых мне. Наверное, стоит их выбросить? – Это странно.

– Ага, – соглашается Джона. – Но, наверное, ему было слишком сложно убирать все самому. Слишком тяжело, учитывая его воспоминания о жене.

Я открываю холодильник.

– Да, этот недоеденный сэндвич, несомненно, навел слишком много воспоминаний, чтобы его выбрасывать. – В моем голосе слышны горечь и досада.

На нем можно даже разглядеть следы зубов. Рядом стоит бутылка молока, несколько ломтиков плавленого сыра, банки с соленьями – огурцы, свекла, варенье... и яйца? Нижняя полка покрыта жиром и прочими пищевыми пятнами. Ничего не помыто.

Джона открывает кухонный шкафчик и обнаруживает множество специй и консервов. Соседний буфет тоже полон, но в нем стоят уже разномастные кружки и стеклянная посуда. Он медленно проверяет их все.

– По крайней мере, он хоть немного прибрался на кухне.

Я с ужасом смотрю на засохшие мыльные разводы и приставшие частицы пищи на дне раковины.

– Джона, здесь просто свинарник!

И что-то подсказывает мне, что чистящие средства для устранения этого бардака – единственное, что Фил нам *не* оставил.

Тупая боль в голове, появившаяся на полпути нашего тряского перелета сюда, расцветает вместе с ужасом перед предстоящей работой. Я сжимаю переносицу, чтобы заглушить боль.

– Как ты можешь видеть в этом хоть что-то хорошее?

Потому что я сама готова закричать или расплакаться, или и то и другое.

Как бы настороженно я ни относилась к покупке собственности Фила в самом начале, с тех пор как мы подписали бумаги месяц назад, этот день я представляла себе с волнением. Представляла, как мы войдем в наш новый дом, в пустые комнаты с голыми стенами, и наши взгляды будут жадно вглядываться во все пустующие закоулки, выискивая маленькие секреты и изыяны, не увиденные ранее. Мы бы начали составлять мысленный список того, за что возьмемся в первую очередь, поднимем тост за это захватывающее новое начало. Я даже положила в свою сумку фужеры для шампанского.

Но *это* совсем не то, что я себе представляла.

Джона подходит ко мне сзади и обхватывает руками мою талию.

– Нам двоим понадобится не так много времени, чтобы разобрать все это. И могу поспорить – нам многое пригодится. Этот погреб был полон консервов, когда мы видели его в последний раз.

– А что насчет хлама, который нам *не* пригодится?

Залежей хлама, если быть точнее. Они были женаты пятьдесят лет! Они жили в этом доме с 1985 года!

– Пожертвуем на благотворительность или просто выбросим. Или сожжем. Мы можем устроить огромный костер. Похоже, возле озера есть отличная яма.

Джона как-то слишком спокоен.

Прижимаюсь головой к его груди, изо всех сил стараясь сосредоточиться на положительных моментах ситуации: я на Аляске с Джоной, и мы купили наш первый дом. Место, в котором случится множество важных для нас событий. Здесь немного не убрано, слегка грязно. Но ничего такого, с чем бы мы не смогли справиться. Это ничто по сравнению с тем, через что мы уже прошли.

– Чертовски зла, – рычу я.

Джона усмехается.

– Я знаю. Но однажды ты посмеешься над этим.

– Думаешь?

Он наклоняет голову, чтобы коснуться губами моей шеи, щекоча своей бородой.

– Обещаю, – скользит его дыхание по моей коже.

– Ты прав. Может быть, через час, когда я допью бутылку шампанского, которую положили нам Джордж и Бобби, это действительно покажется мне смешным.

– Пьяная злая Барби. Не могу дождаться, – язвительно произносит Джона, вызывая мой смехок. – Но прежде чем ты откупоришь пробку... у нас есть еще одна проблема, которую мы должны решить на заднем дворе. – Он тяжело вздыхает. – Вот из-за нее ты будешь *в ярости*.

* * *

– Да ты, *должно быть*, шутишь!

Джона почесывает бороду.

– Не-а.

– А что случилось с соседом, который должен был забрать его?

Я сидела прямо напротив Фила за его кухонным столом, когда он вслух подтвердил – спустя несколько бокалов виски, – что парень на другом берегу озера забирает скотину.

– В записке сказано, что они поссорились и тот парень передумал. Но кур он забрал.

Джона стоит перед большим загонем для скота, огороженным проволочной изгородью, положив руки на бедра, и смотрит на черно-белого козла.

Который, судя по всему, теперь принадлежит *нам*.

Я морщу нос от слабого едкого запаха птичьих испражнений, пропитавшего холодный воздух, поскольку слева от нас стоит опустевший курятник – ветхая коробка, сбита из фанеры и бессистемно прибитых кусков черепицы. Рядом с ним находится гораздо более крупное, но такое же ветхое строение. Предполагаю, что это ночное убежище Зика.

– Поссорились из-за чего? Какая ссора заканчивается словами: «Я заберу твоих кур, но оставлю твоего козла»?

– Без понятия. В записке лишь было написано, что Фил и этот парень, Рой, поссорились и что сена, а также зерна Зику хватит до весны.

Джона поджимает губы в раздумье.

И мне не нравится это выражение лица. Я уже видела его раньше. Он просчитывает варианты.

Но здесь *нет* никаких вариантов.

– Мы собираемся убедить Роя передумать, так? – предполагаю я.

Джона трясет головой.

– А ты *точно* боишься этого малыша?

Зик испускает громкое бляение и поворачивает свои тревожно-горизонтальные зрачки в мою сторону. По моему позвоночнику пробегает дрожь.

– Нам не нужна коза.

– Бандиту, возможно, понадобится друг.

– У енотов не бывает друзей.

Джона упрямо выпячивает челюсть.

– Кто сказал, что он не может подружиться с козлом? Козы не любят оставаться в одиночестве.

Уже вижу, к чему все идет, и мое разочарование вспыхивает с новой силой.

– Я согласилась поселиться в деревянной хижине в лесу ради тебя. Я не стала жаловаться на енота в клетке. Я вот-вот начну разгребать чужое дерьмо, скопившееся за *пятьдесят лет*, а здесь, напомним, весь пол в ванной залит мочой, потому что Фил был слишком пьян, чтобы попасть в унитаз. Я провожу черту здесь – в вопросе с *козой!* – Мой голос гулко разносится над густым безмолвным лесом, который нас окружает.

Губы Джоны начинают подергиваться.

– Это *не* смешно.

Он трет лоб.

– Ладно. Ты права. Прости.

– Отлично. – Я делаю успокаивающий вдох. – Значит, пошли знакомиться с Роем.

Брови Джоны подлетают вверх.

– Что, *прямо сейчас?* Мы же только прилетели. Я думал, ты хотела поехать за матрасом сегодня.

Зик громко блеет и бьет копытом по стальной проволочной ограде загона.

– Да. *Прямо сейчас.*

Глава 10

– Должно быть, это здесь.

Джона притормаживает в конце дороги, где к дереву прибит деревянный знак с вырезанными на нем буквами «Р. Донован». Хорошо, что Джона предложил взять один из старых снегоходов Фила, поскольку дорога перед нами больше походит на туристическую тропку, чем на подъездную дорогу, и проехать по ней не сможет ни один полноразмерный автомобиль. Тропку, которой не пользуются. Согласно местным метеорологическим сводкам, снегопада не было почти неделю, и тем не менее здесь нет ни малейшего намека на следы.

Мои руки крепко обхватывают талию Джоны, пока мы едем по тропинке, все глубже и глубже в лес, проезжая мимо двух неоновых-желтых знаков «Проезд запрещен». Чуть дальше мы видим еще один знак, уже деревянный, с вырезанными на нем буквами, подкрашенными черной краской, который гласит: «Я придерживаюсь права стоять на своем».

– Что это вообще значит? – громко говорю я, стараясь перекричать низкий гул двигателя.

– Для разных людей – разное, – загадочно отвечает Джона, оглянув деревья и обнаруживая, что здесь тропа не заканчивается.

– Мне кажется, мы не туда едем!

Джона указывает на небо над деревьями, и я замечаю дымку, плывущую вверх, что полностью опровергает мои опасения. Двигатель снегохода ревет громче, набирая скорость.

Наконец лес редет, и нашему взгляду открывается крошечный обветшалый одноэтажный домик с крыльцом и отсутствующей дверью. За ним стоят сарай, превышающий размеры дома по крайней мере раза в три, и несколько небольших пристроек и навесов. И куча всего между ними: бочки, ведра, старые шины, газовые и пропановые баллоны, дерево в самых разных его состояниях – от больших бревен до аккуратно нарубленного хвороста. С краю примостились три старых грузовика, два из которых насквозь проржавели и частично разобраны.

Больше походит на свалку.

Когда Джона заглушает двигатель, из-за угла сарая выскакивают две огромные собаки, которые бросаются к нам с вызывающим тревогу рычанием и лаем. И чем они ближе, тем меньше походят на собак и больше на волков.

– Джона? – окликаю я, уже поднимая левую ногу и готовясь отбиваться от черного пса, надвигающегося на нас с оскаленными зубами.

Входная дверь где-то внутри хижины с громким скрипом открывается, и из нее появляется мужчина.

– Оскар! Гас! Назад! – Его резкий тон пререзает царящий хаос.

Собаки-волки мгновенно затихают и усаживаются на свои задницы, облизывая пасти. Ярко-серый пес, который кажется наиболее спокойным из этой парочки, устремляет на меня хищный желтый взгляд. Словно ждет, что я дернусь или кашляну и дам ему повод для нападения.

Из курятника неподалеку раздается неистовое кудахтанье кур, взбудораженных всей этой суматохой.

– Вы Рой? – спрашивает Джона.

Мужчина, переместившийся к проему на верхней ступеньке крыльца, где должна была стоять дверь, пристально смотрит на Джону с минуту, как бы обдумывая ответ. Ему около пятидесяти, а может, и больше. Он выглядит изможденным – то ли от возраста, то ли от трудностей, а может, от того и другого сразу. Его волосы с проседью, аккуратно зачесанные назад, намного темнее седой бороды, скрывающей челюсть. К синим джинсам и тяжелой фланелевой куртке пристали опилки.

– А кто спрашивает? – произносит он с четко выраженным южным акцентом.

Бросив настороженный взгляд на волкопсов и утешительно сжав мне бедро, Джона слезает со снегохода и идет к крыльцу. Поднимаясь по трем ступенькам, он на ходу снимает правую перчатку.

– Я – Джона Риггс.

Рой долго изучает протянутую руку, прежде чем пожать ее один раз.

– Мы переехали в соседний дом. Купили участок Филадельфия.

Соседний дом – это с большой натяжкой. Мы в целых *километрах* от этого парня. По крайней мере, мне так кажется из-за двух длинных дорог между нами.

– Точно. – Рой шмыгает носом. – Ты тот пилот, который собирается летать на своих чертовых самолетах над моей головой каждый день.

В его тоне, как и в пристальном взгляде, который он устремляет на Джону, есть капля желчи. И, возможно, еще вызов. Я не знаю точно. Джона – физически внушительный тип: широкоплечий и около двух метров ростом. Роя, стоящего на несколько ступенек выше, с ним трудно сравнивать – его плечи сгорблены, однако я готова поспорить, что Джона весит в два раза больше, чем Рой. И все же, если он хотя бы даже немного боится своего гостя, то этого не показывает.

Джона спускается с крыльца, оглядывается через плечо, чтобы бросить на меня взгляд – частично забавляющийся, частично выражающий вопрос: «Можем ли мы доверять этому парню?» – прежде чем снова встречается взглядом с нашим «дружелюбным» соседом.

– Фил сказал, что ты хотел забрать его козла. Мы решили удостовериться, не заинтересован ли ты все еще в этом.

Взгляд Роя устремляется на сарай, где вдоль забора копошатся пять коз разного размера, с любопытством разглядывающие прибывших. За сараем простирается большая поляна.

– У меня хватает коз.

– Я вижу. – Джона медленно кивает. – Так что, возьмешь еще одну? Похоже, у тебя большой сарай. И ты явно знаешь, что с ними делать. Я даже докину немного сена и зерна. Хватит, чтобы прокормить его до весны.

– Почему ты *сам* не хочешь держать его?

– Мы сейчас не в том положении, чтобы держать скот. Мы только заселяемся.

– А, только заселяетесь. – Рой ухмыляется. – Все вы, чужаки, приезжаете сюда, чтобы «только заселиться». – И снова этот горький тон в его словах.

Может, я и чужачка здесь, но Джона точно нет. Я ощущаю острое желание указать на то, что Джона вырос в окрестностях Анкориджа и что он – такой же аляскинец, как и Рой, но Джона отвечает прежде, чем я успеваю решить, стоит ли это делать.

– Мы были бы очень благодарны, если бы ты забрал его у нас и присоединил к своему стаду.

Я различаю в голосе Джоны напряжение. Он не терпит подобного отношения.

Рой натягивает сапоги, выходит из-за перил крыльца и становится перед нами. Только тогда я вижу, что в его левой руке ружье, опущенное к полу.

В моем позвоночнике застывает напряжение.

– Не-а. Он ни на что не годится.

– Это *самец*. Я могу назвать только одно дело, на которое он сгодится. – Джона бросает внимательный взгляд на загон для животных. – Должно быть, у тебя там несколько самок, так?

– Они *все* самки. – Он мрачно усмехается. – Но он даже для *этого* не сгодится.

– Черт, – бурчит Джона.

– Может, найдешь какого-нибудь дурака, который не разбирается в козах и купит его у тебя? Или кого-то, кому нравится вкус старого мяса. А мне он не нужен.

– Спасибо, что уделил время, – бросает Джона, даже не скрывая раздражения в своем голосе, и идет ко мне.

– Вот что я тебе скажу... веди его сюда.

Джона замирает на полпути.

– Правда? Я очень признателен...

– Гончие за зиму разжирели и совсем обленились. Думаю, хорошая охота с погоней в преддверии лета пойдет им на пользу. Хотя сомневаюсь, что выйдет хорошая охота.

Я морщусь. Может, и не люблю коз, но картина, которую только что нарисовал Рой, гораздо более тревожная, чем жуткие зрачки и неприятные детские воспоминания.

Челюсть Джоны отвисает в тот редкий момент, когда у него пропадает дар речи, но затем он возвращает себе самообладание.

– Приятно было познакомиться, Рой.

Он возвращается ко мне, чтобы сесть на снегоход и завести двигатель, и все это время его брови сведены вместе.

Черный пес отползает в сторону, словно занервничав от гула мотора, однако серый не двигается с места. Меня нервирует то, как он наблюдает за нами. За мной.

Обхватив руками торс Джоны, я украдкой бросаю взгляд в сторону Роя и успеваю заметить победную ухмылку на его узких тонких губах, прежде чем Джона выжимает газ.

– Тебе придется преодолеть свой козий посттравматический стресс, потому что мы ни за что на свете не отдадим Зика этому мудаку! – кричит он через плечо, пока мы мчимся по длинной тропинке обратно к дороге, гораздо быстрее, чем приехали сюда, и я чувствую, как напряжено под моей хваткой тело Джоны.

* * *

– Кто вообще встречает людей с оружием?

Я делаю здоровенный глоток шардоне из витиеватого бокала из травленого хрустала, который нашла в буфете, а затем опускаюсь на колени, чтобы домыть холодильник. После встречи с сумасшедшим по соседству мы отправились на нашем новом старом грузовике, который пахнет моторным маслом и весь обклеен серебристой клейкой лентой, чтобы затертая кожа сидений оставалась на месте, в Уасиллу за продуктами и матрасом.

– Это просто старик, который пытался нас запугать, – произносит Джона, поправляя поленья в камине чугунной кочергой.

Из нас двоих он, разумеется, справляется с сегодняшними неприятными сюрпризами с большим изяществом, чем я.

– Ну, это сработало, потому что мы больше никогда не сунемся на его территорию. Особенно пока там эти волки. Нельзя же держать *волков* в качестве домашних зверюшек. Мы должны сообщить о нем в общество защиты животных.

– Это не волки. Возможно, помесь, но я не слышал, чтобы они так хорошо слушались хозяина. Но посылать копов к нашему соседу в первый же день, наверное, не лучший способ начать жизнь здесь. – Джона отходит от камина. – Неважно. Это еще один плюс нашего положения. Если ты ненавидишь своих соседей, то тебе не обязательно с ними встречаться.

Наконец-то удовлетворившись состоянием холодильника, после того как провозилась над ним последний час, я со вздохом снимаю резиновые перчатки.

– Ну вот, одно дело сделано.

Остался еще миллион.

Я улавливаю характерный гул моторов снаружи. Джона подходит к большому эркерному окну и выглядывает на замерзшую поляну, провожая взглядом несколько снегоходов, проносащихся мимо и тускло сияющих фарами в вечерних сумерках.

– А это разве не частное озеро?

– Ага. – Он отпивает глоток пива из своей бутылки. – Филу, вероятно, не было до этого дела.

– Фил, вероятно, уже был без сознания от выпитого виски. – Я слежу за удаляющимися огнями задних фар. – Интересно, они вторгаются и на территорию Роя тоже?

– Надеюсь. К черту Роя.

Джона хмурится, осматривая занозу в указательном пальце, заработанную во время возни с воротами для загона.

– Как там Бандит со своим новым *другом*?

Джона усмехается.

– Он в замешательстве. Я вычистил курятник и запер его там на ночь, чтобы они попри- выкли друг к другу, но сидят они по отдельности.

Он проводит указательным пальцем по ряду книжных корешков на полке под лестницей. Книги, журналы и настольные игры на ней покрыты пылью.

Как и *все* в этом доме. Чуть ранее я открыла шкаф и была просто сметена лавиной раз- номастных пищевых контейнеров.

– Не знаю, с чего начать, – признаюсь я, возясь со стопкой черных мусорных пакетов, и мой взгляд падает на аляповатую пятирожковую люстру, висящую на потолке. Она слишком мала для двухэтажного пространства, и три лампочки в ней перегорели. – Тебе нигде не попа- далась стремянка?

Фил оставил вообще все. Должен был оставить и стремянку.

– Кажется, я видел одну в мастерской. Мы занесем ее завтра. – Джона потягивается и приближается ко мне. – Начни с этого. – Он доливает вино в мой бокал. – И этого. – Откры- вает крышку коробки с пиццей – без сыра, для меня, – которую мы захватили в единственной пиццерии в Трапперс Кроссинг по дороге домой. – А я отнесу матрас наверх, и мы застелим нашу кровать. Потом разопьем бутылку шампанского и расслабимся. Со всем остальным мы будем разбираться завтра.

– Это звучит так просто, когда это говоришь ты.

Я тянусь за своим бокалом. Умственное переутомление истощило меня.

Джона осторожно прижимает горлышко своей бутылки к моему бокалу.

– Уверен, так оно и есть.

– Рада, что ты так думаешь. – Я натягиваю невинную улыбку и похлопываю по огромным желтым резиновым перчаткам, лежащим на стойке. – Потому что они для тебя, чтобы оттереть с пола мочу пьяного мужика в туалете наверху.

Джона забирает из моих рук бокал и подхватывает на руки.

– Сказал же, Калла, мне это не важно. У меня есть ты и мои самолеты, и теперь у нас есть это место... – Его глаза становятся яркими и задумчивыми, пока блуждают по балкам на скошенном потолке. – И это все наше.

Глава 11

– А что было прописано в договоре?

– Я проверю.

– Вы наверняка в состоянии *хоть что-то* сделать с этим. – Удивленный тон моей матери хорошо слышен через динамик телефона, даже за тысячи километров. – Выставьте ему счет за услуги клининговой компании или за потраченное вами время. В *крайнем* случае оставь жалобу риелтору. Разве он не осматривал дом перед вашим приездом?

Я подавляю стон, зная, что сейчас получу взбучку, когда признаюсь:

– Не было никакого риелтора. Это была прямая продажа.

Все бумаги – контракт, право собственности, залог и кучу других вещей, в которых я не хочу разбираться, – оформлял юрист в Уасилле.

– Без риелтора! – Она издает нечленораздельный звук. – Тогда ничего удивительного!

Сказать, что моя мама осталась недовольна тем, что мы не прислушались к ее предупреждениям и купили, а не арендовали жилье, сильно преуменьшить.

– Я уверен, что это сэкономило им немалую сумму на комиссионных, Сьюзан, – привычно возражает спокойный голос Саймона.

И я легко представляю их противостояние в гостиной: моя мама при полном макияже и с уложенными волосами окидывает мужа возмущенным взглядом, и Саймон – с чашкой чая в руке и включенным на заднем фоне спецвыпуском ВВС, брови которого выгнуты дугой с выражением «она взрослая женщина, живет со взрослым мужчиной, принимает собственные решения и совершает собственные ошибки».

– Мы действительно сэкономили. Фил сбросил шесть процентов от стоимости, – подтверждаю я, шаря в шкафу рукой в резиновой перчатке.

Нащупываю что-то металлическое, лежащее в углу. При виде ручной колотушки свожу брови. Скорее всего, она лежит тут несколько десятилетий, забытая. Плюс один в ящик для пожертвований.

– Не важно. Это не конец света. Верхний этаж уже убран, и мы продвигаемся хорошими темпами.

Прошло четыре дня, а мы уже перевернули всю домашнюю утварь и sentimentalный хлам, десятилетиями копившийся в почти каждом шкафу. Наш первый этаж выглядит как рай барахольщика, однако в этом хаосе есть своя система: коробки с вещами, предназначенными для сожжения, выстроены вдоль узкого коридора в ожидании, когда Джона оттащит их к кострищу; то, что мы решили оставить, свалено на кухонных стойках и маленьком обеденном столе, чтобы потом мы это отчистили и рассортировали; пожертвования для местной Армии спасения – на полу в гостиной. Все остальное отправляется прямо в черные пластиковые пакеты. Набралось уже семнадцать мешков мусора, и мы все еще продолжаем.

– И старому владельцу *ничего* из этого не нужно? – Мама не может скрыть своего отвращения.

– Не-а. – Я поднимаюсь на ноги и иду в гостиную, где мы отодвинули от стен диван и потрепанные тумбочки, чтобы освободить пространство. – Джона звонил ему вчера. Он сказал выбрасывать все, что нам не нужно.

– Это очень необычно. – Через динамик доносится мамин вздох. – А где Джона?

– У костра.

Он там с тех пор, как начало светлеть сегодня утром. И каждый раз, когда он приходит за очередной коробкой, он приносит с собой запах обугленной бумаги и горелого дерева, а в небо тем временем поднимается темный, густой и полный пепла дым.

Не то чтобы я могла жаловаться. Последние четыре дня я убираюсь в одном и том же комплекте одежды – в мешковатой толстовке и трениках, которые нашла в комод с женскими вещами в спальне. Теперь они покрыты грязью, пылью и чистящими средствами.

– У тебя уже была возможность сфотографировать что-нибудь интересное? – спрашивает Саймон с проблеском волнения.

Однажды он признался, что в какой-то момент своей жизни мечтал стать фотографом дикой природы. Моим собственным навыкам работы с камерой – его «Кэноном», который я объявила своим, – я отчасти обязана его любительским наставлениям.

Улыбаюсь, безмолвно благодаря Саймона за то, что он увел нас от прежней темы.

– Нет. Джона сказал, что видел лису, пробегающую вдоль деревьев, возле ангара, но я была слишком занята уборкой, чтобы отвлечься.

Еще даже не распаковывала фотоаппарат. Диана настойчиво просила меня выложить что-нибудь в Сеть, но я пока не успела обдумать ее требование и не знаю, какой кадр хочу сделать для сайта.

– Не подходи к ним слишком близко ради фотографий, – предупреждает мама. – Даже лоси могут быть опасными.

– Не думаю, что это то, о чем нам стоит переживать относительно Каллы, – сухо произносит Саймон.

Мы болтаем еще пять минут, прежде чем мама начинает прощаться.

– Что ж, не будем тебе мешать.

– Да, я собираюсь заняться балдахинами.

Я вытягиваю руки над головой, морщась от боли в пояснице и плечах. И мечтаю о горячей ванне.

– Фу! Балдахины. Никогда не понимала, кому они нравятся.

– Правда?

– Передавай привет Джоне от нас.

– Передам. И определитесь, когда приедете к нам!

Мы уже заканчиваем разговор, когда раздается голос Джоны:

– ... Отказывается возвращаться туда, если он там. Бандит, похоже, не против, по крайней мере, пока.

Входная дверь со скрипом открывается.

– Я поспрашиваю, не будет ли кто заинтересован, – раздается знакомый мне женский голос. – Что-то мне подсказывает, что не так уж много людей хотят купить старого бесполезного козла-мужененавистника.

– Эй, Калла, к нам приехала Мари! – зовет Джона, входя в дом вместе с высокой стройной женщиной.

Я снимаю резиновые перчатки и бросаю их в сторону, а затем оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с сине-голубыми глазами Мари. С тех пор, как мы видели ее в последний раз, когда она прилетала в Бангор, чтобы оказать ветеринарные услуги деревне, прошло два месяца.

А теперь она живет всего в пятнадцати минутах пути от нас.

– Привет, Калла, – улыбается она. Ее руки судорожно обхватывают горшок с комнатным растением и подарочный пакет, формой напоминающий бутылку с ликером. – Решила зайти посмотреть, как у вас дела.

Я провожу пальцами по волосам, приглаживая растрепавшийся узел.

– Рада тебя видеть.

И это действительно здорово – видеть знакомое лицо, пока мы пребываем в самых глубинах ада уборки дома, даже если мы с Мари никогда и не заходили дальше вежливого обмена приветствиями, а я на сто процентов уверена, что она влюблена в моего парня.

Мари засовывает пакет с подарками под мышку, освобождая руку, чтобы откинуть с лица прядь длинных золотистых волос.

– Так... – Она обходит гору мусорных пакетов посередине зала. – Как у вас дела?

– Ну... Я одета в одежду умершей женщины и копаюсь в ее вещах. И я только что нашла подушку от геморроя в глубинах шкафа в прихожей. А еще я обломала себе все ногти и всерьез подумываю открыть бутылку вина, – бросаю взгляд на часы, – в полдень.

Мари поджимает губы, чтобы сдержать улыбку, и ее взгляд останавливается на пятнах отбеливателя, которые я посадила вчера на коленях, пока скребла ванну на первом этаже.

– Ты отлично выглядишь. Впрочем, как *всегда*.

– Спасибо, но я выгляжу как бродяга, – возражаю я, заимствуя любимое словечко Саймона.

Мари более нарядная, чем обычно. Она все еще в джинсах, однако свитер, проглядывающий сквозь распахнутое зимнее пальто, розового цвета и плотно облегает ее стройную фигуру. На веки нанесены легкие тени, коричневая тушь делает и без того густые ресницы длиннее, а пляжные волны волос, скорее всего, были уложены утюжком.

Интересно, она всегда так выглядит, когда не выступает в роли крестonosца, мотаясь по всей Западной Аляске, или она приложила максимум усилий только сегодня, для этой встречи?

Мари смеется, и ее взгляд скользит по окружающему пространству.

– Здесь много всего.

– Они были женаты пятьдесят лет. Ты имеешь представление, что это за штука? – спрашиваю я, постукивая по круглому пластиковому прибору, который обнаружила в кладовке.

Мари морщит нос в задумчивости.

– Думаю, это дегидратор. Для сушки фруктов, овощей и... – Ее слова обрываются, когда она замечает мою гримасу. – Кому-то нравится подобное.

Я отправляю его в кучу для пожертвований.

– Будем еще что-нибудь сжигать сегодня? – спрашивает Джона, пихая ботинком пустую картонную коробку на полу.

– Это, – указываю взглядом на кучу в углу.

– Ты хочешь, чтобы я сжег нашу мебель для гостиной? – Джона переводит на меня взгляд, и в его тоне слышится веселье.

– Она не *наша*. Она Филя. У нас будет новая. И почему нет? Большая часть ее деревянная.

– Как насчет того, чтобы повременить с заменой, чтобы нам не пришлось сидеть на полу? А потом я увезу все это на свалку. Она может еще пригодиться кому-нибудь.

– Кто-то может вытащить диван с *помойки* и принести его *домой*?

– Что для одного мусор... Так что-нибудь еще для костра или я его тушу?

– Может, их? – Я киваю в сторону стены с головами оленей.

Джона смотрит на меня так же, как когда я бросила старую потрепанную книгу в коробку для растопки.

– Мы *не* будем их сжигать.

– Ладно. Тогда сожги *меня*, – ворчу я, массируя болезненные узлы на шее и морщась от боли. – Прекрати мои мучения.

Я отчаянно хочу иметь пустой и чистый дом, чтобы было с чего начать.

Джона подходит ко мне за спину и опускает свои мозолистые руки на мои плечи, чтобы размять их умелыми пальцами.

Я испускаю глубокий стон благодарности.

– Лучше? – Он наклоняет голову и целует меня в подбородок.

Мари отводит взгляд, пристально уставившись на дешевый плакат в рамке с изображением национального парка Денали, который я еще не сняла со стены. Это чтобы нас не смущать? Или для того, чтобы избежать неприятного чувства, которое возникает, когда видишь,

как кто-то, кто тебе дорог, близок с другим? Может, Джона и не видит этого, но я – вижу. И я не наивная. Нельзя просто так взять и отключить чувства к кому-то, если он любит другого, как бы этого ни хотелось большинству людей.

Что, если бы я была на ее месте? Если бы мы с Джоной остались «просто друзьями», и мне пришлось бы стоять в стороне и смотреть, как он влюбляется в другую женщину?

При этой мысли мою грудь пронзает острый укол сочувствия.

– Продолжение последует позже, – шепчу я, бросая на него многозначительный взгляд, и кладу свои руки на его, сжимая до тех пор, пока они не замирают.

Джона в последний раз целует мою шею, прежде чем отойти.

– У тебя были большие планы на сегодня, Мари?

Она переключает внимание на него.

– Нет, но меня вызвали по срочному делу, когда я уже подъезжала к вам. Мне придется вернуться, чтобы осмотреть больную кошку. В противном случае я бы предложила вам свою помощь.

– Беги. Спасайся, пока можешь! – стону я.

Джона игриво шлепает меня по спине.

– Как насчет быстрой экскурсии?

– *Очень быстрой?*

– Годится. Мне нужно вытащить отсюда эту чертовку, пока она не подожгла дом. – Он обнимает меня за шею, поглаживая ее пальцами. – Что скажешь? Съездим в Уасиллу, чтобы присмотреть новую мебель?

– Например, диван? – спрашиваю я, ощущая оживление в своих натруженных конечностях.

Он ухмыляется.

– Конечно.

Мои надежды найти что-то подходящее невелики, но идея съездить куда-нибудь – *куда угодно* – заставляет спешно попрощаться с Мари и с новыми силами помчаться наверх, чтобы принять душ в нашей мрачной, темной ванной комнате.

* * *

– Калла, вставай.

Меня мягко толкают в плечо. Я испускаю плаксивый стон. В теле болит каждый мускул.

– Ну давай же. Тебе нужно это увидеть.

– Снова северное сияние?

Джона смеется.

– Сейчас почти девять. Солнце уже встает. Пошли.

Я разлепляю веки и вижу, что Джона уже полностью одет и держит в руках красный махровый халат, который я недавно купила в уасилльском магазине.

– Лучше бы это того стоило.

Я с дрожью встаю с кровати и спускаюсь вслед за Джоной вниз по лестнице. По пустому первому этажу разносится мягкое бульканье отцовской кофеварки, варящей свежий кофе. Прошло уже семь дней с нашего заселения, и все вещи Филя, которые мы решили не оставлять, исчезли, отправившись на свалку, в магазин или в огонь. Даже головы животных нашли себе временное пристанище в мастерской, потому как я больше не могла выносить на себе их взгляды. И после трех дней складирования всех этих отвратительных вещей, которые, вероятно, и испачкали зеленый сизалевый ковер, Джона наконец согласился скатать его и вынести на улицу. Ковер он оставил рядом со старым диваном, который я также заставила Джону выта-

щит из дома, чтобы подготовить место к прибытию нашего нового дивана в пятницу со склада в Анкоридже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.